

ВИДЕНИЕ ЕВРАЗИИ

По ту сторону национализма и интернационализма (сборник)

Молодой Форум №8

Немецкий взгляд

Издательство Регин-Ферлаг, 2008

Сокращенный перевод с немецкого.

Восьмой сборник «Молодого Форума» посвящен преодолению узкого западного национализма ради опирающегося на вечную идею империи видения Евразии. Шесть авторов представляют различные аспекты этой тематики, знакомят читателя с материалом и представляют идеи будущего.

От переводчика

Империя – это слово завораживает одних и пугает других. Мерная поступь легионов и рабство, походы конных туменов и горы черепов, «Кодекс Наполеона» и демографическая катастрофа Франции, прорывы танковых армий, полярные перелеты «Сталинских Соколов», Беломорканал, подавляющая мощь авианосцев и ужасы черных кварталов Нью-Йорка – в любой эпохе можно найти и привлекательные и ужасающие стороны того, что называют Империей. Философы, историки, социологи пытаются определить, что такое империя и прошел ли век империй навсегда или же их возвращение все еще возможно.

Среди работ, посвященных этой проблеме, находится сборник «Видение Евразии», вышедший в серии «Молодой Форум» в издательстве «Регин-Ферлаг» в самом начале 2008 года. Сборник посвящен неоевразийской идее, усиленно рекламируемой А.Г. Дугиным и интересен тем, что представляет взгляд западных правых авторов (немцев и француза) на данную проблему.

Сборник по праву можно назвать спорным. Причин этому несколько. Во-первых, это именно сборник, а не цельное произведение. Потому взгляды авторов иногда не только различаются, но даже противоречат друг другу. Во-вторых, книга вышла в начале 2008 года, а составляющие ее статьи написаны еще в 2007. С того момента прошло много времени и политическая и духовная ситуация в Рос-

сии и в мире резко изменилась. Многие в сборнике сейчас кажутся наивным и безнадежно устаревшим, некоторые прогнозы авторов не оправдались, некоторые оправдались совершенно неожиданным способом. Например, один из авторов утверждал, что Россия только должна стать государством, способным к созданию империи. Аннексия Крыма весной 2014 года показала, что Россия Путина вполне на это способна. Но остается открытым вопрос – что будет дальше. Наступит ли имперский период в истории Российской Федерации или попытки территориальных приобретений такого рода наоборот приведут к распаду государства, и – что даже более важно – пойдет ли «имперское правительство» на благо или во вред собственно русскому народу, другим народам РФ и их соседям. Что нужно собственно русским – национальное государство или многонациональная империя? Существуют аргументы в пользу и того, и другого ответа, но настоящий ответ сможет дать только история.

Для русского и русскоязычного читателя вероятно неожиданным станет чуть ли не безграничный восторг некоторых (не всех!) авторов сборника вокруг фигуры Путина, их увлеченность православным фундаментализмом и позитивный интерес к исламу. Тут нужно учитывать, что со стороны многое видится не так, как изнутри. Да и внутреннее устройство РФ с 2007-2008 годов значительно изменилось, а РПЦ патриарха Кирилла еще больше превратилась в важный элемент государственной машины, в духе Синода поздней романовской монархии. Такое развитие наверняка бы понравилось немецким авторам сборника, но вопрос о том, можно ли назвать сращивание церкви и госаппарата положительным для самого русского народа, да и для церкви, остается, пожалуй, тоже открытым. Иностранцы «правые» видят в Путине, в РПЦ, и в дугинском неоевразийстве полюс противостояния западной глобализации, либерализму и американскому гегемонизму. Интересует ли их при этом ситуация самого русского народа – это уже другая проблема.

Трактовка российской истории авторами иногда выглядит поверхностной и несколько примитивной. Иногда они не замечают различия между положением церкви и ее отношениями с государством до и после Петра Первого. О евразийцах 1920-1930-х годов они судят по книгам Дугина, а не по собственно их трудам – достаточно заметить, что упомянув князя Трубецкого и Устрялова и причислив почему-то к «эмигрантам» Льва Гумилева, они не упомянули ни Савицкого, ни Вернадского, ни Алексеева, ни Сувчинского. Больше того, проведение прямой преемственности от этих ученых к неоевразийству Дугина является довольно сомнительным. Да, Дугин часто называет этих людей своими предшественниками, но неоевразийство Дугина очень значительно отличается от евразийства Савицкого и Трубецкого. Столь же сомнительна преемственность Дугина от Гумилева – в дополнении приведена глава «Дугин и Гумилев или

фальшивый наследник» из лучшей на сегодняшний день биографии Л.Н. Гумилева за авторством Сергея Станиславовича Белякова. Сам Дугин был и остается весьма спорной фигурой, которую довольно аргументировано обвиняют в извращении, профанации истинного евразийства и даже просто в шарлатанстве.

Тем не менее, несмотря на порой излишний «путинизм», восторги вокруг православных фундаменталистов и происламские симпатии статьи сборника могут представлять интерес и для русских читателей, по крайней мере, как взгляд со стороны. Однако ко многим аргументам авторов следует подходить критически.

Сборник переведен в сокращении, без сносок и указаний источников цитат.

От редакции

Когда следишь за публичными дискуссиями, то бросается в глаза, что, похоже, существуют лишь две группы противников глобализации. С одной стороны, это те, кто хочет противопоставить глобализации вообще «священные», «универсальные» права человека, а капиталистической глобализации рынков в частности – представление о некоей глобализации с человеческим лицом. Противоположная этой «левой» критике глобализации позиция – в том виде, как она воспринимается общественностью – состоит в стремлении к возвращению в эпоху национальных государств.

Тем не менее, как интернационалистическая, так и националистическая позиция не учитывают реалии современного мирового порядка. Кое-кто из «национальных мыслителей» попросту игнорирует эти факты, и, больше того, никак не хочет осознать, что понятия «нация» и «империя» противоположны друг другу. Лоскутный ковер из наций и регионов с его многочисленными частными интересами и местным эгоизмом не может привести к победе над всемирным глобализмом. В отличие от этого «рейх» или империя, объединенная каким-либо стоящим выше частных интересов принципом, окруженная геополитическими границами и с экономической автаркией, благодаря своим объединяющим высшим узам может сопротивляться мондиализму.

Чтобы еще раз показать противоположность между имперской идеей и светским национальным государством нужно вспомнить времена Священного союза князя Меттерниха. Тогда у национализма были еще сильные противники – старые империи, европейские «ancien régimes», которые после Наполеоновских войн в 1815 году собрались в Священном союзе: Россия, Австрия и Пруссия. Похоже, ирония истории состояла в том, что как раз они – первоначально самые опас-

ные противники националистических движений – в конечном счете, выродились в союзников национализма. Враждебные имперской идее и одержимые жаждой власти элементы увеличивали свое влияние, переняли явно националистические лозунги и, в конце концов, сконструировали что-то вроде «имперского национализма», который уже не имел ничего общего с идеей Священной империи. Великолепно придуманная конструкция Меттерниха рухнула. «Меттерних», так пишет Юлиус Эвола, «распознал в демократии и в национализме те основные силы, которые упразднят традиционную Европу».

Дальнейший ход истории, когда Европа из одной подрывной революции скатывалась в следующую, принес нам хаос современного миро-«порядка». И сегодня, во время подлости и разложения, несколько демагогов всерьез хотят убедить нас, что возрождение «классического» национального государства представляло бы, мол, альтернативу глобализму. Но это вовсе не так, ведь такое государство как раз и является одной из причин нынешнего убожества. Люди не могут заставить себя осознать это, ведь часть немецких «правых» носит с национальным государством как со священной коровой, на которой держится и с которой падает вся их идентичность; с другой стороны, они не могут в достаточной степени понять это, так как их картина мира часто основывается на рассмотрении только новейшей истории.

Но что могло бы стать альтернативой современным националистическим или соответственно интернационалистическим идеологиям? Правый «ностальгизм», грезящий о восстановлении на тронах старых династий, оказывается столь же ошибочным, как грезы ностальгично настроенных неонацистов, которые – когда речь заходит об «их фюрере» – порой обнаруживают в себе явно некрофильские черты. Но также и фетишизм национальных государств, стремящийся оживить давно похороненный реликт девятнадцатого столетия, при всем уважении к блаженному романтизму, остается бесплодным.

Евразия, напротив – даже если она теперь представляет собой только символическое, духовное, метаполитическое и метафизическое видение в головах ее апологетов – может принять конкретный вид, если ностальгирующие и с правой, и с левой стороны избавятся от своих старых идеологий. У евразийской идеи есть много лиц, она – собрание разных позиций и намерений, и будущее укажет, какие из них годятся, чтобы перейти в дела. Поэтому видение Евразии должно демонстрировать также изменчивые черты. Евразийская идея отцов-основателей из числа русских эмигрантов 1920-х годов обладала не теми чертами, какие характеризуют прогрессировавшую идею их сегодняшних русских наследников из «Евразийского движения» Александра Дугина. Почему? Потому что вызовы двадцать первого века требуют других ответов, чем вызовы двадца-

того столетия. Но также и сегодня, когда евразийская идея постоянно становится все более и более актуальной, к примеру, итальянские евразийцы, разумеется, видят определенные детали иначе, чем русские представители «Евразийского движения».

Многослойность подходов отражается также в разных размышлениях представленных в этом сборнике авторов. Попытки враждебных кругов спровоцировать противоречия между отдельными приверженцами какого-либо вдохновленного традицией мировоззрения не имеют значения. Ибо форма государственного правления, в конечном счете, вторична, зато содержание, которое питает форму и наполняет ее жизнью, должно быть чем-то абсолютным.

Карло Террачано, духовный наследник Эвола и итальянский представитель видения Евразии, находит точную формулировку, когда пишет: «Снова самое реалистичное и самое многообещающее решение драмы нашего времени лежит в мудрости традиции, которая, в любом случае, не является ни старой, ни современной, но вечной».

Маркус Фернбах, редактор

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Доминик Шварценбергер. Рождение евразийской идеи – духовные предшественники Александра Дугина

Фальк Липе. По ту сторону национализма – священная евразийская империя

Шарль Шампетье. Юлиус Эвола и национализм

Мартин А. Шварц. Александр Дугин и мы

Маркус Фернбах. Православное сопротивление западной концепции прав человека

Нико Рор. Сотрудничество Европы и России – создание евразийского экономического пространства

Дополнение. Сергей Беляков. Дугин и Гумилев или фальшивый наследник

Приложение. Александр Дугин. Присоединить Европу – это по-русски!

Доминик Шварценбергер

Рождение евразийской идеи – духовные предшественники Александра Дугина

С распространением евразийской идеи организациями «Международное Евразийское движение» и «Евразийская партия России», на создание и идеологию которых основное влияние оказал Александр Дугин, вокруг этой идеи впервые удалось объединить важные течения патриотического русского лагеря. Сторонниками евразийства видят себя сегодня большевики-нео сталинисты, антикоммунистические консерваторы, монархисты, православные фундаменталисты и фашисты. Сам Дугин консультирует важные государственные инстанции российского государства и влияет на них.

Возникает вопрос, почему евразийская мысль попала в столь плодотворную почву. На какие духовные традиции и исторические события могут опереться евразийцы вокруг Александра Дугина?

Самое большое значение сохраняется у русского мессианского сознания, которое заставляет исполнять сверхчеловеческое призвание. Это обстоятельство объясняется собственной имперской идеей. Когда в 1453 мусульманские турки-османы захватили Константинополь, Второй Рим, как центр византийского православного христианства, православные священнослужители убежали в Москву, «город первопоселенцев-отшельников в языческом окружении». Монах Филофей констатировал: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Тем самым Москва высказала претензию на то, чтобы быть духовным маяком человечества. С коронации Великого князя Московского Ивана IV (1530-1584) в 1547 году начинается имперская традиция на русской земле; на время его правления выпадает начало русской колонизации Сибири. Обоснованная этим русская имперская идея – как идея надэтнического единства – действует также в качестве моста между Европой и Азией. Образцом этого служит симбиоз между христианским царем и исламским татарским князем. Однако русский дух и российскую империю не следует понимать как синонимы: русский народ, пожалуй, создавал, определял и определяет имперский союз в управлении, инфраструктуре, культуре и экономике, тем не менее, к этому союзу относились также другие народы и вероисповедания. Для иллюстрации этого баланса хорошо подходит удачное наименование «Священная Византийская империя Русской нации».

Первое десятилетие семнадцатого столетия получило в русской истории название «Смуты», «времени беспорядков». Именно когда имперской идеей все

больше пренебрегали, вскоре проявлялись явления распада: крестьянские и казацкие восстания, раскол церкви, свободный царский трон и неясный порядок престолонаследия, а также – какое унижение! – католик-поляк в качестве «алиби-царя». Созванное с осознанием всех духовных ресурсов и идеалов сословное собрание, Земский Собор, в 1613 году выбрало новым царем Михаила Федоровича Романова (1596-1645). Конец этой династии наступил при кровавых обстоятельствах лишь в 1917 году.

Такой же глубокий эффект возымела западная ориентация Петра Великого (1672-1725), внука того первого члена династии Романовых. Его реформы можно сравнить с турецкой культурной революцией Мустафы Кемалю Ататюрка (1881-1938): подражание Западу, фундаментальные преобразования в армии, церкви, календаре и управлении, регламентация православного духовенства и привлечение иностранных советников. В форме новой столицы – Санкт-Петербурга – на западной окраине империи эта перемена выражается и в камне.

Девятнадцатый век порождает самые важные политические и философские течения, оказавшие влияние на Дугина и его евразийских соратников. Триумфальное шествие Наполеона по Европе и непосредственная угроза Москве в 1812 году свидетельствуют о слабости России, Запад кажется в сравнении с нею могущественным и достойным подражания. В этой атмосфере возникают движения славянофилов (с такими представителями как Юрий Самарин и Иван Аксаков), а также «почвенники» (что означает примерно «укорененные в родной земле»). Оба движения выступают за особый русский путь независимо от Европы, но также и против реакционного застоя. Этот Третий путь отдавал предпочтение православной духовности и критике организованной церкви, царскому самодержавию и де бюрократизации, иерархии и ликвидации крепостничества. Великий писатель Федор Михайлович Достоевский (1821-1881) стал сторонником этого идейного направления.

Подлинные евразийцы появляются только после свержения царя в 1917 году. Среди антибольшевистских русских эмигрантов они представляют экзотический, маловлиятельный, но публицистически активный тип. Выдающееся значение для евразийского движения современности имели Николай Васильевич Устрялов (1880-1937), Лев Николаевич Гумилев (1912-1992; правда, Л.Н. Гумилев не имел никакого отношения к белой эмиграции – прим. перев.) и князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938). Евразийцы межвоенного времени высоко оценивают ислам, буддизм и тюркские народы как покровителей и защитников бывшего российского величия и духовной силы. Но вместе с тем они противопоставят другим русским в изгнании и неославянофилам после 1945 года. Это тече-

ние, вышедшее из так называемых «писателей-деревенщиков», объединило все антизападные, подлинно русско-православные идеи прошлого (славянофилов и почвенников) с целью достижения духовно-морального возрождения русской духовности. При этом в центре их внимания была описанная выше имперская идея, с ее характерным равноправием и признанием всех народов на русской земле. Александр Исаевич Солженицын (1918-2008), Николай Александрович Бердяев (1874-1948) или Игорь Вячеславович Огурцов (род. в 1937 году) последовательно выступали за новую царскую монархию с государственной православной церковью. Существующую коммунистическую советскую систему, по их мнению, ни в коем случае не следовало менять на западные либеральные концепции.

Все эти личности и их труды определяют сегодня евразийскую картину. Александр Гельевич Дугин, сверх того, обогащает это направление импульсами Юлиуса Эвола, европейских Новых правых и немецкой «Консервативной революции». Новая – которую еще требуется создать – империя Евразии означает полицентризм, а также разнообразие народов, регионов, культур и вероисповеданий – что полностью соответствует старой и почтенной имперской традиции. Вместе с тем идея Евразии оказывается визионерским бастионом против американизма и дегенерации.

Фальк Липе

По ту сторону национализма – священная евразийская империя

Даже если в будущем появится фундаментальная критика политики и экономики, то все же смешной остается мысль, будто бы обновления можно было бы достичь с помощью простой фиксации на политических и социальных темах. Выявить основные принципы, от воплощения которых зависит все остальное, вот что играет действительно главную роль. «Кто скажет нам, что это не политика и не реальность, тому мы невозмутимо ответим, что он больше не знает, ни что значит политика, ни что значит реальность» (Ю. Эвола). Но точно так же неверно было бы не хотеть больше правильно понимать реальность, превратив все исключительно в вопрос сознания, и тем самым не видеть разрушительные структуры.

Естественно, существуют также такие хитрецы, которые с помощью ссылок на факты хотят отбросить любую фундаментальную критику как «далекую от реальности». Преодолеть искаженную реальность при таком подходе равносильно бегству от реальности: приспособление к соответствующей реальности было бы

тогда единственным благоразумным выходом. Такая точка зрения может быть вполне подходящей для демократических политиков, но для людей, которые обращаются к Абсолютной Действительности, такой оппортунизм был бы как признанием их собственного провала, так и бегством от реальности.

Также популярный вопрос о «революционном субъекте» все еще не поставлен так, как его любят задавать марксисты-ленинцы. Революционный субъект – это просто те, кто хочет революции. Больше тут не о чем говорить. Если идеи, за которые тут борются, не станут частью революционного движения, то все написанное здесь хоть и не утопия (в понимании едва ли осуществимой на практике интеллектуальной конструкции), но оно и не проявит себя на материальном уровне. Это не меняет ничего в абсолютной правильности принципов, на которых основываются приведенные ниже рассуждения.

Все комплексы тем, о которых тут идет речь, я уже затрагивал в МОЛОДОМ ФОРУМЕ №6. Критика национализма, демократии, капитализма и империализма будет продолжена и уточнена и в дальнейшем, будут вскрыты определенные недоразумения, и я коснусь нескольких возражений. Само собой разумеется, я не претендую на то, чтобы говорить «за» евразийцев, скорее я представляю особую социалистически-анагогическую версию евразийской имперской идеи. Высшая идея империи – это объединяющая связь.

Народно-национальный национализм – современная идеология

Национализм неотъемлемо связан с идеями Французской революции, которая сделала популярным принцип народного суверенитета, т.е. принцип национальной демократии. Нация (как политически-государственное единство) исторически возникает как капиталистическая нация вместе с буржуазным обществом. Формирование национального рынка и общих экономических интересов было самым важным фактором образования нации. Этнические факторы играли хоть и значительную роль, так как они содействовали развитию национальных связей, но отнюдь не решающую. Национальное государство создало самые благоприятные предпосылки для развития капитализма. Борьба за собственное национальное государство была одновременно могущественной движущей силой национального объединения и содействовала интеграции в нацию, как, с другой стороны, государство было важным инструментом создания нации. (Достаточно вспомнить лишь о введении норм в немецком языке.)

В государственной нации по ее собственному самопониманию связывающим элементом является конституция. Этническая нация, в отличие от этого, пони-

мается как ставшая политически осознанной общность людей, которые чувствуют себя связанными друг с другом общим происхождением, языком и культурными ценностями. Этническая нация, которая возникла в идеологической конкуренции с Францией, была не «антикапиталистическим ответом» на капитализм, а только другим вариантом капиталистического образования нации. Характерным для народнического («фёлькиш») национализма является то, что он не требует никаких (пусть даже самых слабых) оснований для того, чтобы выступать на стороне своего народа (как это происходит при конституционном патриотизме), а требует естественной, без всяких оснований, пристрастности к собственному народу и его государству. Это естественное пристрастие к собственной нации очень дорого также и сегодняшнему политическому мейнстриму, однако народнический национализм представляется немецким властным элитам сегодня анахронизмом в том отношении, что они хотят классифицировать людей не по национально-народническим принципам, а в «антирасистском духе» – в соответствии с принципами утилитаризма. Народнический национализм, по их мнению, противоречил бы (не по-народнически) понятию «национальным интересам». В то время как у сегодняшних националистических идеологов отдельный человек все-таки является членом (воображаемой) «народной общности», то в западногерманском либерализме его, атомизированного индивидуума, рассматривают в первую очередь как тягловую лошадь и потребителя. Однако различие тут вовсе не в принципе, а только в степени.

Но в большинстве случаев народнические националисты конструируют из этого противоположность между этнической нацией и государственной нацией. Согласно такой претензии этнический национализм является естественно-органическим; в таком случае он является противоположностью «механической» государственной нации. Но что здесь, собственно, называется «органическим»? Народ – это очевидно не организм в естественнонаучном смысле. Иногда представляемая точка зрения, будто народы являются чем-то вроде выросших в соответствии с «законами природы» единств, представляет собой очевидную чепуху, так как народ нельзя приравнять к улью. Ну, тут народнические националисты могут отрицать, что повторяют постулаты биологизма, и подчеркивать, будто естественно-органические реальности являются одновременно и по существу также «исторически-духовными» фактами, из которых произрастает историческая общность судьбы: «Но если слово «судьба» должно служить не только для того, чтобы остановиться еще перед познанием настоящих движущих сил и факторов истории, тогда оно как раз упраздняет органистический миф о естественной общности и тем самым теоретическую основу этой философии истории» (Герберт Маркузе).

До формирования капиталистических наций в центре большинства групповых принадлежностей находились в первую очередь личные или региональные связи. Общности и порядки внутри какого-либо этноса одновременно создавали надэтнические объединения. Этническая принадлежность здесь образовывала как бы питательную среду для деятельности, выходящей за ее пределы. Существовала возможность, что члены одного сословия из различных этносов лучше понимают друг друга, чем члены разных сословий из одного и того же этноса. В противоположность этому в девятнадцатом веке основательно занялись созданием националистических мифов, чтобы показать только что созданную капиталистическую нацию как политическое выражение онтологического единства.

Различие с североамериканским образованием нации (как государственной нации) состоит по существу только в том, что США с самого начала формировались «как капиталистическое классовое общество из свободных граждан, которые приобрели права гражданства». Национальное самопонимание американской государственной нации состоит фактически ни в чем ином, как в принадлежности к капиталистической и империалистической успешной державе. Однако не нужно игнорировать следующее: народы становятся все более похожими друг на друга, и вместе с тем различие между этнической и государственной нацией становится все более и более излишним. «Значительные общественные связи являются связями максимально деловой природы, а именно осуществляются через деньги [...] Своей жизнью современные граждане практически опровергают слух, будто бы их все еще создают и удерживают вместе особым способом существования». Так как даже «преданные народу» в самом широком смысле не могут сегодня даже приблизительно представить, что, собственно, означает быть немцем помимо гражданства, языка и истории. Еще труднее ответить на этот вопрос в общем плане. Таким образом, поиском «немецкой сущности» сегодня занимаются, в лучшем случае, национальные романтики.

Поэтому можно задать вопрос: что, собственно, в современном немецком «народе» достойно сохранения? **[Прим. ред. ВС: Например, его высокий интеллект!]** «Биологическая субстанция» как «источник культуры» была бы возможным ответом. Однако народ – это не раса, т.е. биологическое единство, но он состоит, если основываться на традиционном типологическом учении о расах, как известно, из различных рас. Народ – это, прежде всего, культурное единство, но отнюдь не «кровная общность» (даже если какое-то определенное расовое родство может образовывать какой-то признак). Если считать «биологическую субстанцию» такой важной, то нужно было ставить в центр не просто народ, даже не большую расу, а проводить различие также внутри одного народа между ценной и малоценной «биологической субстанцией». Соответствующим образом в одном тексте на одном интернет-сайте «еврорусских» го-

ворится: «Мировая история – это не только борьба больших рас, но в еще большей степени – борьба расовых ядер со своей собственной генетической периферией» (В.Б. Авдеев).

[Прим. ред. ВС: Как раз наоборот: Народ – это, прежде всего, кровная общность и его культура обусловлена расовыми особенностями. Автор вырвал цитату из книги Владимира Авдеева «Расология», глава Биологическая основа нордического мировоззрения. Эта глава была опубликована в Немецкой рубрике сайта «Велесова Слобода». Рекомендуем для чтения: [Ричард Ферле. Эректус бродит между нами](#)]

Этот раскалывающий народы биологический расизм хоть и сумасброден, но, по крайней мере, последователен. На такое требование, естественно, следовало бы принципиально возразить тем, что биологическое в человеке не является определяющим элементом, во всяком случае, когда речь идет о существе, достойном называться человеком. Даже тот, кто признает психическую и надбиологическую реальность, но понимает ее в односторонней обусловленности через биологическое, защищает материалистическую по сути идеологию. Так и нашептанное французом Гийомом Файем о народе как «трансцендентальном единстве предков, живущих и потомков» тогда также оказывается лишь началом новой попытки повлиять на массу после потери ею естественного и здорового понимания собственного происхождения, используя при этом мифы и внушения, «которые должны наэлектризовать ее, пробудить в ней элементарные инстинкты и льстить ей с помощью видений и химер, избранности, уникальности и силы» (Эвола).

Как бы сильно ни следовало оценивать трансформацию народов в «гражданские общества» как процесс упадка, все же нет никакого повода возвышать народ и расу до уровня идолов. Кому слишком мало «национальной идентичности», тот может прямо обратиться к более высоким принципам, которые отнюдь не немецкие, а универсальные. По мере того как народы их понимают, образуются также культуры, которые заслуживают себе это имя. Культура не может быть создана из ничего, в том числе и из развития «этнокультурного сознания», она может возникнуть только путем обращения к предпосылке всех настоящих культур: к измерению трансцендентности. Так как «отделение себя от одинаково серой субстанции коллективов и после этого образование личностей обращением к более высоким принципам и интересам – это первый шаг к тому, что в особенном и традиционалистском смысле всегда называли «культурой»» (Эвола).

В отличие от этого любое идеологическое бремя изначально простого «вегетативного группового чувства» является признаком упадка и вводит в заблужде-

ние. Народнический национализм – это не ответ на модерн, а часть его. На место абсолютных и поэтому универсальных принципов ставится раздутое коллективное «Я». «Даже когда национализм говорит о традиции, это не имеет ничего общего с тем, что соответствовало в античных культурах этому слову. Речь идет скорее о мифе или мнимой непрерывности, которая основывается на самом маленьком общем знаменателе, происходящем из принадлежности к определенной группе. [...] Измерение трансцендентности здесь полностью отсутствует» (Эвола).

Так что те «националисты», которые полагают, что повторно окрепшее традиционное христианство могло бы помочь немецкому народу выздороветь, могут быть правы, но они неправы, если они одновременно думают, что если по этой причине кто-то станет «христианином», то это будет иметь какое-то отношение к этому христианству. Укрепившееся по причине «воли к национальному выживанию» определенно не было бы одним: преемственностью Иисуса Христа.

Можно выразиться и иначе: если сегодня разговоры о немецкой национальной самобытности (как идее) и могут еще иметь положительное значение, то только в том смысле, что немцы должны снова повернуться к тем более высоким принципам, которые в то же время необходимы для создания настоящей империи. «Это не по-немецки, быть только немцем», вот так следует отвечать всем тем, кто хочет возвысить собственный народ до идола. В этом смысле евразийскую идею империи можно понимать как выражение этой немецкой национальной самобытности.

В любом случае нужно освободить путь для идей, которые воплощаются не в иррациональной и сентиментальной привязанности к какому-либо коллективному мифу, а порождают систему из лояльных, свободных и сильных личных связей.

Национализм, этноплюрализм или эгалитарный универсализм?

Отвержение унификации всех народов и культур под диктатом ценности и перемещения людей по экономическим причинам с их законной родины само по себе не имеет ничего общего с «национальными идеями». Но было бы неверно клеймить любую констатацию различий с иммигрантами или иностранцами как «расизм». Некоторые «антирасисты», похоже, если бы можно было точно доказать заходящее «под кожу» различие человеческих рас, не располагали бы больше никакими аргументами против расизма.

Простая констатация была бы только признанием фактов; какие выводы делают из этих фактов, это уже другой вопрос. Во всяком случае, не существует необходимости желать гражданской войны с целью, в крайнем случае, прогнать «чужерасовых» дубинками за границу. «Проблема иностранцев» является проблемой отсутствия формирования характера внутри конкурентной системы, но не проблемой темперамента «чужерасовых». Точно так же следует без сомнений согласиться с самодовольным замечанием (оставшимся у меня в памяти) на одном коммунистическом мероприятии о том, что лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» все же не означает, что они все должны были бы соединиться в Германии. Болтовня об «открытых границах» псевдолевых групп имеет очень малое отношение к подлинному антикапитализму, но очень большое к их убежденности в том, что зато они сами очень добрые. С другой стороны, нужно полностью согласиться с Гансом-Дитрихом Зандером, когда он, говоря о приехавших в Германию турках, пишет о том, что их репатриация могла бы быть возможной только с согласия турецкого государства и живущих здесь турок: «Их возвращение домой возможно только с помощью турецкого правительства. Не хотим же мы, по праву скорбящие о жестоком изгнании немцев из восточных областей, прибегнуть к похожим средствам? Нет – это сам собой разумеющийся ответ». Необходимость ответа «да», со всеми его последствиями, существует только в головах ограниченных националистических идеологов.

Недостаточно констатировать, что кто-то отвергает «One World» («Единый мир»), потому что разнообразие народов и культур в принципе прекрасное явление и его следует сохранить. Решающее значение для практики имеет то, в какой иерархии стоят «ценности», за которые кто-то борется. Является ли этноплюрализм действительно наивысшей «ценностью»? Стоит ли собственный народ на первом месте или же все народы одинаково ценны? Борются ли за собственный народ или защищают все народы? Последняя этноплюралистическая позиция действительно вызывает симпатии по своему главному замыслу, но она не является действительно убедительной, так как она абсолютно абстрактно декларирует равноценность всех культур. Разнообразие народов и культур, без сомнения, следует предпочесть единой мировой цивилизации, но инаковость как таковая определенно не является достаточной причиной, чтобы ценить другую культуру. Как совершенно невозможно уважать какого-либо человека только потому, что он – «человек» (не обращая внимания на все его личные качества), то так же невозможно ценить культуру только потому, что она – «культура». Было бы бессмысленно, к примеру, принимать за чистую монету всю эту ложь об исламе, а потом тут же в «этноплюралистическом духе» требовать уважения к «исламскому культурному кругу». Тот, кто это констатирует, еще далеко не должен из-за этого поддаваться субъективизму или этно-

центризму, напротив, мысль о «ценности отличия» – если она последовательно доведена до конца – ведет к индивидуализму.

Менее интеллектуально возвышенным, но не менее ошибочным представляется «классический» национализм. Кто ставит интересы собственной нации на первое место, для того любая мнимая солидарность с другими народами простирается в общем ровно настолько, насколько она не сталкивается с собственными национальными интересами. Причем тогда несущественно, поступает ли собственная нация по-империалистически или нет. Но национализм вовсе не означает автоматическую ненависть к иностранцам, как любят утверждать патриоты в ФРГ, чтобы тем самым сделать свой собственный национализм еще более сияющим на фоне других. Также народнический националист охотно признает за иностранцем его право на уважение к собственной родине; да, тот, у кого не хватает этой принципиальной предвзятости к своей стране и своему народу, даже вызывает подозрения. Кто не ставит нацию на первое место, тот в глазах националиста логически должен считаться потенциальным «предателем народа».

У кого нет более высокой, выходящей за рамки собственной национальной принадлежности, исходной точки, тот, строго говоря, не может считать неправой свою собственную нацию. Единственный упрек в адрес правящих может состоять лишь в том, что они не защищают национальные интересы. Здесь проявляется родство сущностей национализма и либерализма: «У первых «мы» становится на место «я», которое свойственно вторым. В либерализме человек имеет право постоянно искать для себя лучшие преимущества и соответственно интерес; в национализме национальный интерес перевешивает все. В обоих случаях наивысшее определение состоит в интересе, это значит – в пользе» (Ален де Бенуа).

Национализм в этом случае уже не только простое средство освобождения, а становится суррогатной религией. Когда верность нации претендует на то, чтобы быть выше любой другой связи, то нации приписывается буквально трансцендентальное качество. Точно в этом смысле национализм тогда также «занял место церкви в качестве обязательной инстанции толкования и оправдания постреволюционного человека».

Нехристианские «правые» охотно критикуют мнимый «уравнивающий универсализм» монотеистической религии. С другой стороны, тем не менее, нужно научиться различать универсальность и дифференцирующий универсализм, с одной стороны, и эгалитарный универсализм, с другой стороны. Универсальный принцип преодоления собственной связанности с природой как предпосылка

совершенствования человека под знаком абсолюта справедлив безусловно и независимо от времени и пространства. Любая мораль, выступающая против этого – во всяком случае, с моей «языческой» точки зрения – относительна. Исходят ли при этом, например, из («относительно-абсолютного» или «абсолютного») божественного закона как закона воплощающейся справедливости (так в исламе) или нет, это вопрос веры или также вопрос познания. Само собой разумеется, всякая универсальная религия выступает с претензией на универсальную действенность. Но универсализм в отрицательном смысле следует из этой претензии на универсальность только тогда, когда эта вера навязывается и/или высказывается экстремальная претензия на исключительность («кто не принадлежит к религии А., тот в любом случае окажется в аду»). Из этого не следует требование либерального равного обращения со всеми религиями. Равное обращение со всеми религиями – это надежный признак того, что в том или ином государстве ни одна религия не обладает по-настоящему большим значением. Против привилегированного отношения к одной или нескольким религиям (например, к православному христианству в России или к исламу в Иране) вообще нечего возразить, до тех пор, пока на членов другой религии не возлагают ничего такого, что им запрещено. Поэтому неоправданно рассматривать ислам «вообще» или христианство «вообще» недифференцированно как «универсальную и империалистическую» враждебную религию.

Желаемое надконфессиональное единство в Евразии не означает движения в направлении синкретичной запасной религии. Так, например, Иисус – это сын Божий (как в христианстве) или простой пророк (как в исламе), потому тут не может быть компромисса без того, чтобы отрицать обе религии. Претензия религии на исключительность не представляет проблему до тех пор, пока не отрицается возможность «соревнования в добре». Где это происходит, это верный признак того, что «религия» или секта не обладает (больше) истинно духовной направленностью и, следовательно, не является традицией (согласно «традиционалистской школе»), по отношению к которой существует причина для особенного уважения. Евразийская империя в любом случае будет мультирелигиозным, мультикультурным (но не псевдо-мультикультурным) и мультирасовым единством, или же ее не будет вообще.

Капитализм и глобализация – что это?

Когда кто-то говорит, что он «антикапиталист», то это слово выражает очень мало. За этим словом кроются самые разные представления о том, что такое, собственно, капитализм. Поэтому из разного понимания капитализма следуют и разные контрпроекты. Кто неправильно понимает капитализм не как производ-

ственные отношения, а как плохой образ мыслей, для того и требование «самоотверженного» образа мыслей – это уже критика капитализма. Кто приравнивает капитализм к процентной системе, тот требует как раз «рыночной экономики», но без банковского процента. Те, кто жалуется на «частное присвоение прибавочной стоимости», борются за справедливое распределение (что бы под этим ни понималось). Приверженцы «суверенного национального государства» выступают против «международного капитала», так как он, по их мнению, лишил власти собственное национальное государство. И так далее. В этой статье не место разбираться со всеми этими теориями. Нужно лишь определить и разъяснить, что здесь понимается под капитализмом: «Капитал – это не вещь, а определённое, общественное, принадлежащее определённой исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придаёт этой вещи специфический общественный характер. Капитал – это не просто сумма материальных и произведённых средств производства. Капитал – это превращённые в капитал средства производства, которые сами по себе столь же являются капиталом, как золото или серебро сами по себе – деньгами» (Маркс, «Капитал»).

Капитализм – и это является сутью часто непонятого анализа капитализма Марксом – это экономическая система, в которой мера богатства состоит в количестве затрат труда, вместо, как это было бы разумно с точки зрения удовлетворения спроса, в легкости производства, относительной ненужности работы и качестве жизни. С этой мерой богатства устанавливается, что единственная цель производства и дохода от производящего ценности труда – это его увеличение. Закон стоимости – это порожденная самими частными субъектами или соответственно национальными государствами (благодаря навязанной ими друг другу конкуренции) вынужденная необходимость, в соответствии с которой в свою очередь ориентируется затем и хозяйственная деятельность. «Конкуренция принуждает отдельного капиталиста, чтобы он под угрозой наказания в форме своего падения как капиталиста, вел охоту за все большей прибавочной стоимостью в целях своих действий. Как и рабочая сила, природа – тоже только средство для достижения этой цели. С точки зрения своей внутренней логики капитал так же безразлично относится к разрушению природных основ жизни [...], как и к разрушению отдельного работника».

Капиталистический способ производства «определяется как крупная промышленность и существенно отличается от «простого товарного производства», так как он указывает, что социальные отношения производства больше нельзя понимать по образцу циркуляции».

Кто хочет вернуться к «простому товарному производству», тот должен хотеть также обратить вспять технический прогресс. Поэтому все ориентирующиеся на средневековые модели – во всяком случае, что касается ведущих индустриальных государств – следует оценивать как заблуждения. Средневековый рынок не был капиталистическим, но он также не был антикапиталистическим, а докапиталистическим, из которого закономерно развился капитализм, после того, как однажды были сняты оковы с экономического и технического прогресса. Деньги и товар стремятся поверх самих себя к отношениям капитала.

Взаимная конкуренция принуждает к эксплуатации человека и природы. Кто хочет упразднить растущее принуждение, подчинение человека и природы при капиталистической логике использования, должен также преодолеть или как минимум радикально ограничить международную конкурентную борьбу за использование капитала в пользу автаркической, солидарной экономики.

Характерным признаком «глобализации» является формирование транснационального капитала. Однако делать из этого вывод, что «национальное государство» – это жертва лишённого субъектности субъекта по имени «глобализация» или международный финансовый капитал, неубедительно. Печально знаменитая «глобализация» является ничем иным, как более современной формулировкой конкуренции наций. «В особенности массы финансового капитала, его подвижность и несвязанность с нациями, которые обосновывают «тезис» о лишении власти национальных государств и о наднациональном самотеке «больших денег», [...] это творение Америки, продукт ее создателей общественного и частного кредита; и их якобы выходящие за рамки любого политического контроля требования быстрого движения вокруг глобуса – это область той же нации, а именно ее финансовых политиков, а также зависимого от вполне национально-государственной силы кредитного бизнеса. [...] Интересы США, их глобализм зарабатывания денег, их власть над глобальным общественным порядком: с этим приходится иметь дело всем нациям, и всем приходится это учитывать». Другие государства склоняются перед мнимой «вынужденной необходимостью» конкуренции или видят в «глобализации» шанс принадлежать к выигравшим.

Национальное государство при этом не исчезает, но оно изменяется. Государство в 1950-1960-х годах соответствовало требованиям, которые предъявляет к государству «фордизм», в то время как в век «глобализации» государство связано с требованиями «постфордизма». На место «государства общего блага» приходит «государство достижений». Государство в век «глобализации» вынуждено все больше ставить на координацию наднациональных учреждений и выдвигать на передний план международную конкурентоспособность. Из этой

необходимой стратегической переориентации логически следует демонтаж государственной благотворительности (соцобеспечения населения). В то же время, однако, обостренная международная конкуренция ведет к более сильной зависимости от государственной поддержки. Так из международной экономической конкуренции получается политическая конкуренция. Государство – не инструмент класса капиталистов, как утверждают марксисты-ленинцы. Государство состоит с капиталом в отношениях взаимодополнения: государство и капитал взаимосвязаны и взаимозависимы.

Глобальный капитализм основывается на конкуренции национальных государств и вместе с тем на конкуренции наций. Благодаря «глобализации» эта конкуренция обострилась, так как власть капитала по отношению к зависящим от зарплаты работникам увеличилась. Хотя США и способствовали усилению и ускорению «глобализации», но не они создали конкуренцию капиталистических наций. Внутренняя конкуренция воспроизводит себя на более высокой ступени на международной арене отнюдь не только со вчерашнего дня.

Конкурирующая на мировом рынке нация с точки зрения целесообразности должна быть сформирована по-капиталистически. С немецко-националистической точки зрения сегодня речь логически вовсе не может идти об упразднении капитализма, но только об успехе в международной конкуренции. Даже (при данных обстоятельствах, конечно, невозможное) огосударствление крупного капитала могло бы – в национальных интересах – практически означать только увеличение возможностей государственного влияния, чтобы смочь осуществлять общие интересы всего капитала в сравнении с обусловленными конкуренцией особыми интересами отдельных капиталов. Это могло бы при определенных обстоятельствах, без сомнения, ослабить кризисные процессы и, прежде всего, – как история достаточно часто доказывала – в случае войны препятствовать тому, чтобы стремление военной промышленности к получению прибыли ухудшало обороноспособность «народной общности». Это ничего не меняет в ценностном отношении. Требуется больше чем огосударствление крупного капитала или даже простое изменение сознания, чтобы экономика из экономики прибыли снова превратилась в экономику удовлетворения потребностей.

Капиталистические народные консерваторы со своей стороны не осознают, что растворение всех уз и традиций – это логичное последствие капиталистической хозяйственной деятельности. Капиталистический принцип конкуренции – это существенная причина (причем у этой причины есть и своя, лежащая еще глубже причина) разрушения уз и традиций, так как он подчиняет отдельного чело-

века, семью, народ логике прибыли, которая проявляется как «вынужденная необходимость».

Националистический антикапитализм – фарс

То, что национализм и капитализм вовсе не противоречат друг другу, «социальные революционеры» из числа националистов, естественно, не очень любят слушать. Один (посредственный) текст на «левом» информационном портале Indymedia вызвал у националистов большое волнение. Так как в этом тексте указывают на то обстоятельство, что немецко-национальные «антикапиталисты» являются антикапиталистами лишь в той степени, в которой «их мероприятия могли бы разрушить любую капиталистическую экономику в течение самого короткого времени», «гуру» Юрген Шваб в своем возражении пожелал автору попасть под «марксистский военно-полевой суд», ибо этот левый автор приво-дил якобы столь прокапиталистические аргументы. При этом этот автор не учел лишь того, что собственный «антикапитализм» Шваба это только «видение будущего на время, которое могло бы наступить с крушением американизма, глобализации и всемирного капитала». В этом отношении такая критика не задевает Шваба, так как он исходит не из ситуации сегодняшнего дня, а надеется, что вновь и вновь ожидаемое «крушение» снова вернет его якобы золотой девятнадцатый век, так как там расцветало национальное государство, пробуждалось национальное сознание, капитализм был еще отвечающим спросу конкурентным капитализмом, а не разжиревшим «монополистическим капитализмом», и капитал был еще национальным, а не глобальным. При этом он пишет также совершенно формально правильно: «После глобализации европейские национальные государства могут объединиться с Россией в одно большое пространство, где общие внешние границы будут защищены военным путем и защитными пошлинами, тогда внутри этой защищенной области можно будет провести перестройку экономического порядка и направить экономику на удовлетворение потребностей людей».

Его «антикапитализм», впрочем, не нужно принимать слишком всерьез, так как проблемой для него является не капитализм как таковой, а «лишение власти» его горячо любимого немецкого национального государства вследствие «глобализации». У всех желаний огосударствления есть, в конечном счете, только одна цель – предотвратить новое «лишение власти» государства транснациональным капиталом, ведь он, в конечном счете, «горячо сочувствует» «национальным предпринимателям» и разделяет «жизненно правильный облик человека». Цель его «антикапитализма» – успех нации в борьбе за жизненное простран-

ство и ресурсы, все прочее было бы социализмом как «тавтологической самоцелью» и «бескровным учением о спасении».

Навязчивая идея Шваба звучит так: народ, государство, национальный интерес. Тут уже сформулирована предположительно «комплексная» система мира обычного националиста. Любое отклонение от нее осуждается как «неполитическое» и «(гражданско-)религиозное». Это касается не только сакральной идеи Евразии, но и ее биологически-расистской пародии, «евросибирской» или как это теперь называется «еврорусской империи», для создания которой, по мнению ее сторонников, все еще предстояло бы создать общее «великонациональное» сознание. В отличие от этого в представлении Шваба «после глобализации» просто «мастерится» (оригинальные слова Шваба) порядок большого пространства, сокращается политическая и экономическая конкуренция между государствами и народами, которые все преследуют только свои собственные узкие национально-эгоистичные интересы и соответственно рассматривают друг друга как, по крайней мере, потенциального врага. Это «видение будущего» должно стать реальностью.

[Прим. ред. ВС: Читайте по теме: [Юрген Шваб. Наши друзья и враги](#), а также [Гийом Фай. Всемирный переворот. Эссе о новом американском империализме](#)]

Важные последствия государственной конкуренции хоть и учитываются, но лишь для того, чтобы – ведь, в конце концов, это же просто националисты, фактически снова их скрыть. Почему государственная конкуренция даже после «краха» системы мировой экономики (ждать который, очевидно, чрезвычайно политическое дело) больше не должна играть существенной роли, остается загадкой. В гораздо большей степени все говорит о том, что тогда – если воспользоваться словами Маркса – «все это дерьмо» (но на более высоком техническом уровне) опять начнется сначала. Это тем более справедливо, что в основе этого национализма лежит представление, что нужно убрать на задний план «несущественную враждебность», чтобы на первых порах выступить вместе против «главного врага». Все говорит в пользу того, что при этих духовных предпосылках дело вовсе не дойдет до общего европейского или евразийского блока, и США и дальше смогут вести свою империалистическую игру по принципу «разделяй и властвуй».

Утверждение Шваба, что «социализм, тем не менее, может быть только национально-государственным, или его не может быть вообще», как четко свидетельствует слово «тем не менее», уже является только принудительным догматом националистической веры. Но скорее дело обстоит как раз наоборот. До тех пор пока существуют причины в пользу дальнейшего существования суверенных

национальных государств (которые тем самым как раз и не являются просто частями империи!) и причины против настоящего имперского единства, до тех пор также не будет и экономики, направленной на удовлетворение потребностей людей. «[...] Пока государство является как раз только «нацией» – а не соответствующей иерархии типов и ценностей градацией – то, как мы думаем, жадность, эгоизм, гегемонизм различных народов, планы борьбы и конкуренции прожорливых монополистических трестов и т.д. тоже продолжат существовать как движущие силы. На уровне не подчиненного никакому более высокому принципу материального невозможно истинное единство [...]» (Эвола).

В высшей степени дерзко также то, что Шваб в последнее время ссылается также на развитые Эволой в его книге [«Люди и руины»](#) мысли о европейской империи, где Эвола как раз клеймит подавление духовного светским, за что и выступает этот «политический мыслитель» как «почти дьявольское извращение гибеллинизма» и сравнивает националистически деформированный «рейх», о котором грезит Шваб, с «раковой опухолью».

Идея империи здесь сдвигается прямо в центр как по духовным, так и по антикапиталистическим причинам. Сегодня также «вопрос суверенитета» – это евразийский или, по крайней мере, европейский вопрос, но не немецкий. Относительно якобы не поставленного немецкими евразийцами вопроса о суверенитете тут в виде исключения существует полное совпадение с «еврорусскими». Так с Файем нужно, по моему мнению, только согласиться, когда он пишет относительно Европы: «Невообразимо аргументировать в пользу построения Европы, если не иметь при этом в виду европейскую исполнительную власть и европейского главу государства. При этом современное положение Европы является в высшей степени ублюдочным: общая валюта, армия в процессе становления, парламент, государства-участники, законодательство до 50 процентов уже больше не «национальное», но суверенитет при этом отсутствует.

Либо нужно вернуться к суверенным государствам (с их собственной валютой), и в этом случае Европейский Союз – это просто сумма договоров, пактов, соглашений и органов голосования по образцу Венского конгресса 1815 года (это действительно Европа девятнадцатого века) – либо недвусмысленно отказаться от всех национальных суверенитетов в пользу настоящего европейского, имперского государства, которое заслуживает этого имени».

От возвращения к «Европе отечеств» вполне можно отказаться. Расколота на отдельные суверенные национальные государства Европа едва ли могла бы образовать контрпроект к США. Даже если принципиально следует отвергнуть капиталистический ЕС, то в нем, все же, уже есть в форме зародыша будущая не-

зависимая от США европейская империя. Борьба за антикапиталистическую империю означает сегодня не в последнюю очередь действовать в направлении преодоления национализма, раскалывающего между собой евразийские или соответственно европейские народы.

Настоящая демократия, тоталитарная диктатура или авторитарное государство?

Быть демократом, это уже давно относится к хорошему тону. Сегодня критика демократии выражается почти только лишь в форме упрека, что то, что критикуют, на самом деле только псевдодемократия.

«Настоящая» демократия уже в теории предполагает автономного мыслящего человека. Даже такой радикальный демократ как Герберт Маркузе видел в этом проблему и логически настаивал на парадоксальной «демократической воспитательной диктатуре свободных людей». Вильгельм Райх с «антиавторитарной» точки зрения высказывал принципиальную критику в адрес анархистов и анархо-синдикалистов в следующей формулировке проблемы: «Анархисты (анархо-синдикалисты) стремились к состоянию общественного самоуправления; но они боялись осознать неизмеримые проблемы неспособности человека к свободе, и они отказывались от любого управления социальным развитием. Они были утопистами и погибли в Испании. Они видели только жажду свободы, но они спутали эту жажду со способностью быть также действительно свободными и работать и жить без авторитарного руководства. Они отвергали партийную систему. Но они не могли ничего сказать о том, каким способом поработенную человеческую массу можно было научить самостоятельно управлять своей жизнью. Одной ненавистью к государству тут ничего не добьешься. Не добьешься ничего и союзами нудистов. Проблема глубже и серьезнее». Не обязательно соглашаться с другими анализами Райха, чтобы признать его правоту в этом вопросе.

«Настоящая демократия» – это утопия, которая, как только ее пытаются воплотить на практике, должна приобрести тоталитарные и превращающие людей в массу черты. Ибо чтобы смог осуществиться идеал демократии, из каждого человека нужно воспитать «нового человека». Последовательный релятивизм (как демократическое «мировоззрение»), напротив, приводил только к диктатору большинства. Так каждое мнение имело бы право на существование, как и другое, до тех пор, пока оно релятивируется только от «народной воли», т.е. также глупое и вульгарное мнение. Если сегодня кто-то выдвигает такие мысли, то его очень быстро станут считать «прирожденным диктатором», который хочет подчинить людей своей воле власти. На самом деле происходит как раз наоборот.

Авторитарное государство – не тоталитарная диктатура. Тоталитарная диктатура имеет больше общего с демократией, чем с авторитарным государством. В авторитарном государстве человек обладает максимально возможными позитивными свободами. И в отличие от демократии авторитарное государство не выдает никакие фикции за реальность. Демократия – это тоже господство, даже если некоторые идеалисты-демократы иногда пытаются отрицать этот факт. Единство между правительством и управляемыми, которое она учреждает, основывается в последней инстанции на том, что государство импонирует гражданам своей силой.

Винфрид Мартини очень хорошо поясняет это соотношение в своей книге «Конец всей безопасности» 1954 года (тогда такие книги еще могли выходить в уважаемых издательствах) такими словами: «Сначала авторитарное государство [...] не означает ничего большего, как отмену фикции идентичности между правительством и управляемыми, между государством и обществом [...] и в то время как оно отказывается от этой фикции, оно может сначала принципиально открыть путь для уменьшения государственного всемогущества [...]. Но о том, как организовано господство в деталях, как и где устроены организационные противовесы, чтобы предотвратить злоупотребление властью и тому подобное: об этом формула авторитарного государства не говорит ничего. Поэтому она также не направлена на какую-то специфическую форму государственного правления, скорее она может быть эффективной в совсем разных формах государственного правления, также и в тех, которые проявляют сильные черты либеральной демократии».

Нужно ли отстаивать контрольные инстанции, и если да, то какие, не является существенным, если только демократизм уже преодолен. Сегодня это предполагает, однако, в первую очередь культурную революцию и только во вторую – политическую. Эвола очень резко говорил о необходимости «антидемократического промывания мозгов». Гитлеровская Германия была «демократией вождя» («фюрера»), большевистская революция устанавливала «народную демократию», Запад парламентскую демократию – и почти все так называемые критики демократии хотят «настоящей демократии». Нездоровый дух, который следует победить, – это идея о том, что большинство якобы означает правильность, что успех – критерий для признания, короче: ориентация «вниз» вместо ориентации «вверх».

Ни тоталитарная диктатура, ни демократия, общей чертой которых является фикция идентичности правящих и управляемых, а авторитарное государство – вот образец анагогического порядка. Речь идет о традиционном, приспособленном к новым экономическим и духовным отношениям трехчленном порядке с

анагогической функцией порядка как функции функций. Подчиненные функции это, во-первых, функция суверенитета (политика, право), во-вторых, военная функция (армия, оборона) и, в-третьих, функция производства (экономика, размножение населения, здравоохранение). Можно было бы и объединить первую функцию со второй. «С понятием порядка в положительном смысле сущностно связано понятие степени, градации, иерархии» (Вернер Зомбарт). Государство поднимается над сферой экономического, сфера политического сохраняет его собственную честь.

Как организована экономика, об этом формула авторитарного государства ничего не говорит. Разумеется, Вернер Зомбарт прав, когда пишет: «Сословный порядок не уживается с принципом свободного промысла и свободной конкуренции. В обществе, в котором еще управляет капиталистическая экономика, сословный порядок означает противоречие. Только если государство принципиально построено на институциях – т.е. на правопорядке – которые в первую очередь возлагают обязанности, сословный порядок может выполнять свою задачу». В капитализме иерархия образовывается такими категориями, как владение, производительность, успех. По Зомбарту нужно отвергнуть «натуралистический принцип упорядочения как сырой и ошибочный» и заменить анагогическим принципом. Ценностный порядок в экономический век и соответствующая ему иерархия – это принцип, извращенный в своей самой глубокой основе. Против всеобщего активного избирательного права ставится всеобщее пассивное избирательное право. Любая умная элита заинтересована в том, чтобы принимать к себе подходящих людей и удалять недостойных.

Авторитет сам по себе не хорош и не плох, но все зависит от его качества. Демократия по принципу частного телевидения, во всяком случае, несовместима с анагогическим порядком. Во главе больше не стоят наилучшие по характеру и способностям люди, а демагоги, интриганы, пустомели и карьеристы. Демократия означает продолжение конкурентной борьбы в политической сфере.

Следовательно, политическая борьба не только по стратегическим причинам должна идти наряду с метаполитической борьбой. Если желаемый новый порядок должен собственно стать не только новым полномочием власти, но и обладать анагогическим качеством, тогда его жизненное качество должно проявиться в борьбе за его воплощение: жажда власти, демократизм, создание кумира из самого себя, но также и оппортунизм, лицемерие и трусость должны исчезнуть из этой борьбы. Надличностная любовь должна определять действия, любовь, которая является знаком изобилия, не слабости тех, кто просит о расположении или жаждет для себя верных подчиненных. Это жизненное качество также спасает человека от любого безразличия. «Как» борьбы придает транс-

цендентность собственному действию и дает ему смысл независимо от успеха или неудачи. Если это придающее трансцендентность качество борьбы отсутствует, то безразличие не только вполне понятно, но при сегодняшних обстоятельствах буквально неизбежно у всех тех, у кого речь не идет, пожалуй, только об удовлетворении их маленького эго или холостой активности.

Смешанная система или плановое хозяйство?

В случае зависящего от экономического успеха на мировом рынке национального государства нерационально говорить о примате политики над экономикой, так как также здесь все политические решения должны «высчитываться». Степень огосударствления при этом несущественна. Мнимый «примат политического» над «абстрактным трудом» был бы здесь в действительности только осуществлением «абстрактного труда» политическими средствами. Только в политически и экономически независимом блоке экономика может снова стать экономикой удовлетворения потребностей. Но принцип автаркии тут необязателен, главное, чтобы в экономике такого блока не возникали какие-либо сильные экономические зависимости.

Последовательное социалистическое плановое хозяйство нового типа, за которое мы тут выступаем, упраздняет закон стоимости, но, конечно, это далеко не единственный возможный экономический порядок. В экономически и политически независимой империи в принципе также был бы возможен укрощенный, ограниченный капитализм или смешанный порядок собственности. Разумеется, установленные государством общие условия должны были бы охватывать всю империю, чтобы не вызвать конкуренции у различных ее народов, что угрожало бы имперскому единству. Не говоря уже о том, что в этих случаях вопреки всевозможной антибуржуазной риторике борьба объявлена только одному определенному типу буржуа; так как иерархии и дальше должны образовываться в соответствии с категориями владения, производительности, успеха – т.е. натуралистический принцип упорядочения сохраняется – и в основе концепции «смешанной системы» лежит противоречие. Артур Волль пишет о тесно связанном с нею представлении о том, что «при сохранении рыночной системы государство должно заботиться об общем управлении процессом (глобальном управлении)», что «было бы не слишком трудно обнаружить противоречие в этой концепции. Остающихся у государственного управления процессом конкурентных элементов едва ли достаточно, чтобы гарантировать существование рыночного порядка на длительный срок, или же они настолько сильны, что провозглашение глобальных целей и ориентационных данных является едва ли

чем-то большим, нежели основывающейся на принятии желаемого за действительное экономико-политической верой».

Карл Маркс выражает то же самое с противоположной позиции, когда пишет: «Все они говорят вам, что конкуренция, монополия и т. д. являются в принципе, то есть если их взять как отвлеченные понятия, единственными основами жизни, но что на практике они оставляют желать многого. Все они хотят конкуренции без пагубных последствий конкуренции. Все они хотят невозможного, то есть условий буржуазной жизни без необходимых последствий этих условий. Все они не понимают, что буржуазный способ производства есть историческая и преходящая форма, подобно тому, как исторической и преходящей была форма феодальная. Эта ошибка происходит оттого, что для них человек-буржуа является единственной основой всякого общества, оттого, что они не представляют себе такого общественного строя, в котором человек перестал бы быть буржуа».

Более убедительна тут уже концепция Фая, который пишет, что бороться нужно именно с «всемирной, неконтролируемой системой свободной торговли, а не с игрой рынка». Но для Фая натуралистический принцип упорядочения, естественно, также является не сырым и ошибочным, а следствием «жизненно правильного облика человека». А капитализм для него это не разрушительный способ производства, который потому необходимо упразднить, а образ мыслей купца, который необходимо преодолеть.

Концепция «смешанной системы», напротив, имеет куда больше общего с «догматическим» марксизмом-ленинизмом, чем многие думают: «Ленин и его наследники хотели планировать стоимость, освободить от анархии рынка и несправедливости конкуренции и вследствие этого сделать ее полезной для трудящихся. Даже для вытасченной из социалистических рабочих прибавочной стоимости они знали справедливое и социалистическое применение. То, что эти старые марксисты, очевидно, неправильно поняли «Капитал» Маркса, что они читали эту книгу не как критику капиталистического богатства, а как учебник правильной хозяйственной деятельности, что Маркс хотел упразднить стоимость как меру богатства, а не «осознанно применять» ее, что, наконец, проект планирования стоимости является вздором и противоречием», относится к неприкосновенному интеллектуальному фонду непролетарских марксистов.

Оставляющая за спиной старые догмы критика капитализма – это не запутанная смесь из всех возможных буржуазных и марксистских экономических теорий, а последовательная критика капиталистического богатства, которая является не

альтернативной экономической теорией, а критикой данной политической экономики.

Впрочем, излишне горячие споры по этим вопросам, мало помогают добраться до цели, ввиду того факта, что создание независимой империи – безусловная предпосылка, чтобы восстановить примат политики по отношению к экономике. Евразийская империя определенно не будет достигнута путем создания какой-то особенно хитрой экономической программы. Сначала нужно создать духовные предпосылки, но не в духе абстрактной морали, а в сознании того, что жизнь – это ничто без связи с тем, что означает «больше, чем жизнь». Только когда мы осознаем то, что в первую очередь сотворение кумира из эго, будь это эго индивидуальным или коллективным, вызывает разрушение всех культур, может быть создана настоящая империя. Так и фундаментальные экономические изменения тоже предполагают изменения широкого сознания. С массой буржуазных конкурирующих субъектов, само собой разумеется, ни о какой экономике удовлетворения потребностей нельзя даже и думать.

Но если все эти предпосылки созданы, то существует также возможность – сторонником чего выступаю я – последовательного планового хозяйства нового типа в рамках иерархически разделенного евразийского порядка с широкими правами голоса и контроля внутри сословия производителей. Люди должны получить возможность оказывать существенное влияние на планирование, так как экономика удовлетворения потребностей вряд ли сможет производить то, что не нужно людям.

Тем не менее, политическое руководство должно обладать определяющим правом во всех отношениях, но применять его оно должно только тогда, когда это применение действительно неизбежно. Итак, государство устанавливает лишь рамки, в которых после этого сословие производителей могло бы действовать относительно свободно. Планирование происходит по принципу субсидарности. «Плановые решения могут разделяться на три уровня: макроэкономическое планирование, стратегическое планирование и детальное планирование производства». Это плановое хозяйство, разумеется, не означало бы никакой уравниловки на службе максимального результата производства, а было бы настоящей экономикой удовлетворения спроса, то есть, оно может и должно согласовываться с соответствующими отношениями.

Империя против империализма

Юлиус Эвола утверждал, что понятие нации ни в коем случае нельзя «применять к органическому, наднациональному типу единства». Так как «понятия отечества и нации (или народности) [относятся] к по существу натуралистическому, «материальному» уровню». Мартин Шварц, тем не менее, наоборот говорит о «Евразии как нации». У некоторых это вызвало непонимание. Но на самом деле здесь нет никакого настоящего противоречия с точкой зрения Эволы, так как Шварц говорит о «нации в более высоком смысле», т.е. о политическом единстве, которое основывается на духовных принципах, об империи. И это единство полностью соответствует мыслям Эволы, согласно которым государство, не обладающее ясным духовным измерением и легитимизацией сверху, даже не имело бы права называться государством. Однако для Эволы нация предполагает «единое чувство одинаковой природы». Только когда в Европе сотрутся все прежние различия, на их месте могла бы появиться «нация Европа». Речь идет о чистом вопросе определения. Для Вернера Зомбарта, напротив, все люди, которые образуют политическое единство, образуют и нацию. Нация, по его мнению, не предполагает четкого сознания «Мы» или какого-либо чувства общности ее членов. Следовательно, во всяком случае, абсолютно ошибочна мысль, будто Эвола своей критикой понятия «нации Европа» хотел бы сказать, что органический, наднациональный тип единства не мог бы быть и политическим единством.

Для приверженцев суверенного национального государства преодоление его представляется «империалистическим» уже потому, что отсутствует почитание этого фетиша буржуазно-капиталистического девятнадцатого века. Так же как и либеральный буржуа воспринимает всякое вмешательство в «свободный рынок» как акт насилия, так и преодоление суверенных национальных государств является по этой логике актом «империализма». Если империализм понимается так, то я – решительный приверженец «империализма»! Но настоящий антиимпериализм в действительности состоит не в почитании собственного национального государства и его интересов, а в преодолении конкурирующих империализмов буржуазных национальных государств.

То, что какой-либо национализм не добивается захвата всего мира «его» государством, еще не значит, что он не империалистический. В противном случае США также не были бы империалистическими, так как США ни в коем случае не хотят захватывать мир, они видят в настоящее время, тем не менее, необходимость вести войны, чтобы поддерживать американское доминирование. «США хотят суверенных монополистов на применение силы во всем мире: как способ-

ных к действию, а именно к господству адресатов претензии на функциональность, под которой они ставят любое автономное употребление власти. Они хотят политических властелинов, которые уважают Америку как вышестоящую дистанцию – в какой-то мере как высшего лицензиара для регулярного применения силы». Преодоление национализма – определенно не часть *Rex Americana*. «Это видно уже по тому, что ни один американский политик никогда не приходил к мысли, что его собственная нация когда-нибудь смогла бы раствориться в каком-то глобальном общемировом государстве. [...] То, к чему стремится мировая сверхдержава Америка, это как раз не ликвидация чужого суверенитета, а надлежащая дистанция между собственной силой и их силой: превосходство, которого достаточно, чтобы подчинить свободных и суверенных монополистов на применение силы американской общей оговорке и определенному Америкой состоянию задач».

Потому расщепление европейских народов на отдельные национальные государства абсолютно ясно соответствует американским интересам. В американских интересах также загонять эту Европу в постоянную конфронтацию с народами исламского мира, чтобы ослабить ее также в экономическом отношении. Кто исходит из ислама как из «главного врага» (даже если не в геополитическом смысле), тот, по крайней мере, неосознанно льет воду на мельницу США, даже если он сам искренне желает упадка США (как государству!).

Ссылаясь на капиталистическое новейшее время, империализм можно определить, в самом общем смысле, как государственное осуществление капиталистического общего интереса на международном уровне посредством экономического, политического или военного давления на другие страны. Понятие «империализм» определенно используется здесь не в понимании его Лениным («фаза загнивающего капитализма»), при котором даже империалистическое государство становится экономической категорией.

Империя не может состоять из различных суверенных национальных государств. Решение о наивысшем праве, также как о различении друга и врага, может происходить только на имперском уровне, если понятие империи не должно полностью деполитизироваться. Скорее это означает, во всяком случае, как дальняя цель, противоположное: деполитизировать национализм и вернуться к чистому «вегетативному групповому чувству», как это было типично для народов в средневековье.

Нужно победить раковую опухоль национализма. «Повторимся, что империя (= «рейх») может быть таковой только на основании более высоких ценностей, к которым поднялся определенный народ, [...] запереться в одном национальном

характере, чтобы, исходя из этого, овладеть другими народами или также только другими странами, всегда возможно только при временном применении силы. [...] Если «империалистические» попытки в новейшем времени терпели неудачу, и многие народы, которые их совершали, пришли к упадку или выродились каким-то иным способом, то причина этого состоит в том, что отсутствовал только самый маленький настоящий духовный и таким образом надполитический и наднациональный элемент, что скорее он был заменен грубой силой насилия, которая хоть и сильнее, чем у тех, кого она хочет поработить, однако – одной и той же природы. Если империя – не священная империя, то она также и не империя, а что-то вроде раковой опухоли внутри различных функций живого организма» (Эвола).

В соответствии с этим видение Евразии, как я его понимаю, возвышается над чисто материальным уровнем и содержит весьма существенный духовный и надполитический элемент. Тот, кто, напротив, ставит превыше всего национальное государство и национальный интерес, пытается оклеветать любую другую, поднимающуюся над этим ограниченным прагматическим мышлением идею как «аполитичную», вместо того, чтобы понять ее как необходимый надполитический и наднациональный элемент, тот определенно не является борцом за империю.

Россия – это единственный возможный центр будущей евразийской империи; это просто вопрос геополитики. Это высказывание не противоречит идее оси, и то и другое подходит друг к другу. Народы Евразии должны стать равноправными партнерами и приспособить их общий имперский импульс к своей национальной и культурной специфике. Но чтобы справиться со своей «миссией освободителя» (Александр Дугин), современная Россия должна еще очень существенно измениться. Россия только еще должна стать способной к созданию империи. Должно быть также ясно, что здесь и далее в основе лежит видение континентальной евразийской империи, а не выхолощенная идея «реальной политики», которая видит в России только один политический полюс, чтобы сгруппировать «все народы против США». Простой стратегический союз – это не империя. Однако можно предположить, что различные империи будут сосуществовать рядом друг с другом. Александр Дугин выделяет, в том числе, европейское, русско-евразийское, и арабско-исламское большие пространства. Приоритетом для европейцев мне представляется действовать в направлении объединения наций европейского и русско-евразийского больших пространств.

Национализм подрывает борьбу против господства идола капитала, потому что в мире конкурирующих национальных государств эксплуатация человека и природы представляется как общий интерес граждан соответствующего государ-

ства. Зомбарт писал, что, в отличие от последовательного национализма, пролетарский интернационализм раскалывает народы, нации и государства горизонтально. «Вместо вертикального расслоения на народы, нации и государства приходит горизонтальное, тянущееся через все страны расслоение на классы, все – в силу приоритета экономических интересов над всеми остальными». Все это тоже не является абсолютно ошибочным, в том отношении, что пролетизм уменьшает человека до чисто экономического существа. Здесь, в действительности, проявляется сущностное родство либерализма и пролетизма (т.е. того, что «правые» обычно понимают под марксизмом). Если Зомбарт в этом месте, тем не менее, осуждает все связи политического характера между отдельными членами различных наций, так как они представляют попытку сломать националистический принцип, то ему следует резко возразить. Слом национализма на евразийской основе является скорее тем, что срочно требуется сделать, и не из-за приоритета экономических интересов, а из-за приоритета имперской идеи по отношению ко всем национальным империализмам. Более высокая идея империи стоит по ту сторону национализма и пролетарского интернационализма, так как она не абсолютизирует частичное единство и не ставит своей дальней целью «слияние наций».

Если сегодня даже для США международное право становится слишком тесным, то защита сегодняшнего международного права является заблуждением, так как международное право – это пустая фикция, прикрывающая реальную империалистическую или гегемонистскую реальность. **[Прим. ред. ВС: Эту прописную истину хорошо было бы усвоить министру иностранных дел РФ Сергею Лаврову!]** Империя противостоит империализму, это значит, что она является противоположностью «махинациям национальных государств, которые служат только для того, чтобы подчинять себе другие государства военным или экономическим путем» (Эвола). Государства в столь же малой степени, как и отдельные люди, являются разделенными, закрытыми в себе, в своем положении и своих замыслах похожие друг на друга как на атомы. Более высокая идея империи отрицает национальные государства, которые применяют хитрость и силу и работают средствами «политики», которая теперь понимается как «искусство», как что-то вроде бессовестных технических приемов, где ничего не значат честь и правда, и которыми пользуются, вероятно, также и религии, но только как одним инструментом среди многих.

Целью является не создание блока, чтобы смочь лучше шантажировать другие страны. Евразия скорее должна стать центром сопротивления, который позволит распространять в мире идею порядка солидарно связанных друг с другом народов против однополярного господства США. Цель – не слияние народов и культур, а многообразный мир народов и культур, которые удерживаются вме-

сте сакральными принципами мира и справедливости и надконфессиональным Новым дворянством. Целью является не какое-либо коровье блаженство, а воплощение принципов настоящего государства. Имперскую идею, которую мы тут защищаем, тоже можно назвать утопией, если понимать под «утопическим» то, осуществиться чему мешают соотношения сил и духовный упадок.

Очевидно, что отказ от современного «искусства управления государством» должен оставаться чуждым для «политических мыслителей», материалистов, которые сами себя ошибочно считают идеалистами. Способность осознавать политическую сторону Абсолютной действительности, империю, как задание, сущностно различает людей. Это не вопрос вечного обсуждения, не вопрос религии, морали, а просто один из вопросов жизненно важной позиции по отношению к тому, что только одно может придать смысл жизни. Сломать имперскую идею, опустив ее до уровня идеи союза «против США», означало бы спуститься на уровень иррациональной активности без флага и без станového хребта. Я выступаю в первую очередь не против США, а за империю. Я отвергаю американский империализм не от имени раздутого коллективного эго.

Участие в борьбе за священную империю Евразии имеет мало общего с мелкими играми за письменным столом тех, кто строит из себя будущих государственных деятелей, кто верит, что можно «смастерить» империю, но также не имеет и ничего общего с нерешительностью вечных консерваторов, которые, ссылаясь на «опасность» революции клянутся в верности ФРГ «пока это только возможно». Борцы за священную евразийскую империю должны быть носителями всей законности и авторитета, «которые исходят из этой идеи, и строгой, надличностной верности ей. Идея и только идея может быть для них настоящим отечеством. Не то, что они родом из одной и той же страны, что они говорят на одном и том же языке, или что они люди одной и той же крови, а то, что они принадлежат к одной и той же идее, это должно быть для них тем, что их объединяет или разделяет» (Эвола).

Шарль Шампетье

Юлиус Эвола и национализм

Представлять критику Юлиусом Эволой нации и национализма на XXIV-м национальном коллоквиуме GRECE (Groupement de Recherche et d'Etudes pour la Civilisation Européenne) кажется мне интересным, по меньшей мере, с трех точек зрения. Сначала у нас есть возможность заново открыть богатство и оригинальность исследований Юлиуса Эволы, мыслителя, от которого приспособившиеся

и ленившиеся думать левые, если они вообще когда-либо потрудились заглянуть в его книги, отмахнулись как от второразрядного интеллектуала – и при этом, что тоже верно, были поддержаны некоторыми правыми, которые едва ли лучше прочитали его и часто хотели видеть в его трудах только подтверждение своих собственных идеологических идеалов. Во-вторых, мы можем осознать ту идеологическую пропасть, которая разделяет национализм с традиционалистской философией – *philosophia perennis* – и в известном смысле с контрреволюционной идеей. Наше время, к сожалению, очень любит наклеивать на всех и на каждого ярлыки, и эти две разные, часто противоречащие друг другу идейные системы долгое время причислялись к одному «реакционному» или «консервативному» лагерю – если не довольствовались просто тем, что дисквалифицировали их как «ультраправые».

И наконец, в-третьих, свет по-новому проливается на большой спор, который происходит среди интеллектуалов по этой теме. Жгучая актуальность национального вопроса в Восточной Европе и в арабском мире, специальные номера журналов *Débat*, *La Règle du jeu* и *Krisis*, а также книга Алена Мина, настоящего производителя эссе, являются достаточным доказательством того, что нация, которая еще вчера считалась залежавшимся товаром в ассортименте мировоззрений, снова входит в моду.

Юлиус Эвола писал свою критику национализма не в какой-то одной отдельной монографии. Ее можно найти разбросанной по всем его произведениям, от первых статей в журнале *Vita italiana* до последних эссе. Если подъем фашизма и позже национал-социализма и мог сыграть для Эволы роль в том, что он занялся вопросом нации, то, тем не менее, было бы ошибочно считать, что эта роль была центральной. Очень далекий от того, чтобы удовлетвориться критикой исторических событий своего времени, наблюдателем и участником которых он был, итальянский философ создает настоящую генеалогию национализма. Нация для него – идеальный тип коллективной идентичности и политической формы, который царит в новейшем времени и характеризует это время. И поэтому неудивительно, что Эвола подвергает более детальному исследованию национальный вопрос во второй части его «Восстания против современного мира», которая несет заголовок «Появление и лицо современного мира».

Юлиус Эвола тут же резко выступает против широко распространенного в историографии двадцатого века представления, что нация – это «естественный» феномен, логичный исход нашей истории, который был якобы предопределен в великих путешествиях поздней древности, в переходе к оседлости европейских народов в средневековье и в появлении королевских и императорских династий. С 1931 года для Юлиуса Эволы «феномены подобные национализму» [...]

можно объяснить «только в больших рамках основывающейся на критических оценках исторической общей картины. В такой картине выделяются: постепенное скольжение вниз политической власти от ступени к ступени в пределах той иерархии ценностей, в рамках которой в античных культурах завершилась качественная дифференциация человеческих возможностей».

Итак, нация появляется в ходе качественного разрушения культуры, падения, которое традиционалистские мыслители – и, в частности, Юлиус Эвола – анализируют с помощью понятий, которые соответствуют трем хорошо известным нам иерархическим функциям индоевропейцев: За первоначальным господством священного суверена (*basileus autocratori*) следует господство непосвященных, вышедших из аристократической военной касты королей, которых, в свою очередь, вытесняют представители третьей функции, массы, современные олицетворения которых – буржуа и пролетарий.

Юлиус Эвола накладывает этот аналитический растр на европейскую историю и устанавливает, что упадок империи и подъем нации со времен средневековья совершаются одновременно. Медленный закат империи начинается с осквернения ее принципа, т.е. с секуляризации и материализации политической идеи. В действительности сакральность – это для Юлиуса Эволы основная, определяющая составная часть имперской идеи, она лежит в основе законности и авторитета империи. Исчезновение религиозного характера власти, который символизировался коронацией императора, совершилось в нескольких исторических этапах: вначале было решение Людвига IV Баварского в 1338 году о том, что только один выбор его уже был основной легитимизацией его власти, и для этого больше не требовалось якобы никаких посвящений; и заканчивается этот процесс в 1452 году коронацией Фридриха III Австрийского – последней коронацией императора в Риме.

Потеря этой чести (*dignitas*) все больше и больше затрудняла поддержание децентрализованных и разнообразных структур, которые создавали феодальный мир. Если вселенская имперская власть подобно своду стояла над множеством ленных правителей и национальностей, при этом никогда не унифицируя их, то ее исчезновение означало превращение старого надполитического и духовного отношения верности и повиновения в основывающееся отныне на принуждении и строгой государственности, уже не органическое, а механическое, больше не сакральное, а светское политическое единство. Юлиус Эвола замечает: «Короли начинают в своих странах требовать того же самого принципа абсолютного авторитета, который подобает, собственно, только империи, причем они, наконец, пробуждают к жизни и выдвигают на первое место новую и бунтарскую идею: идею национального государства».

Отныне осуществление частных интересов против универсального права старой европейской ойкумены становится определяющим. Французский король Франциск I или папа Климент VII уже не будут бояться того, чтобы объединиться с турками против императора. И Ришелье, будучи католическим кардиналом, в конце Тридцатилетней войны станет поддерживать протестантские лиги против императора. Юлиус Эвола пишет: «Рейх как империя однозначно заменяется империализмами, т.е. махинациями национальных государств, которые служат только для того, чтобы подчинять себе другие государства военным или экономическим путем».

В этом политическом процессе королевский дом Франции играет решающую, если не сказать новаторскую роль. Как Рене Генон, который упоминает его в своей книге *Autorité spirituelle et pouvoir temporel*, также Юлиус Эвола видит в Филиппе Красивом истинного основателя современной идеи нации. Его правление характеризовалось помимо непопулярной налоговой реформы – за это Данте называл его «cupido», «жадным» – и роспуском ордена Тамплиеров, прежде всего, конфликтом с папой Бонифацием VIII. После того, как папа осудил короля в своей булле *Ausculta filii carissime*», Филипп под влиянием своих легистов решил созвать собрание парижских нотаблей, горожан и чиновников, чтобы укрепить свою позицию по отношению к папе. Это стало первым заседанием Генеральных штатов (*états généraux*). В борьбе против рыцарей-тамплиеров в 1308 и 1311 годах он поступит так же, и его образ действия симптоматичен в более чем одном отношении.

«Юридически-легистская духовная позиция, централизм, религиозный и теологический нейтралитет, буржуазный рационализм: эти ингредиенты впервые связываются здесь», так описал это Карл Шмитт. Тем самым Филипп Красивый как бы из ничего создал унифицированное мышление, которое раньше существовало только в неопределенном виде. Основывая свои действия на установленном его легистами светском праве, он с использованием обязательных и обширных законодательных норм способствовал отделению харизматических и традиционных форм законности. Феодальная пирамида вассалов, олицетворение объединенной верностью сеньору средневековой иерархии, постепенно заменяется направленными в провинции представителями центральной власти. Князь впервые предоставляет городской буржуазии долю в исполнении власти, и этот направленный против феодального порядка союз короля с буржуазией впоследствии будет беспрерывно укрепляться вплоть до того дня, когда буржуазия станет достаточно могущественной, чтобы, ссылаясь на нацию, свергнуть зашатавшуюся монархию.

Национальная идея возникает на руинах феодального мира и от эпохи Возрождения до восемнадцатого века развивается в рамках централистского государства, внешняя политика которого потянула за собой фрагментацию европейской ойкумены, как мы подробнее описали выше, а его внутренняя политика душила любое разнообразие в королевстве, что известно всем. Власть окружает себя почти религиозной аурой. Это и есть тот абсолютизм, о котором Юлиус Эвола с полным основанием утверждает, что он является «передачей традиционной идеи единства в век материализма».

Абстрактный и светский характер формирующейся национальной идентичности очень явно проявляется в растущем числе функционеров и чиновников, в дико разрастающейся бюрократии: управляющие, сенешали, губернаторы, интенданты – все функционеры королевской власти, которых после введения передачи постов по наследству набирали в первую очередь из буржуазии. Искусственность национального дела затем снова проявляется в том разрушительном воздействии, которое возымело создание унифицированного национального экономического пространства, что совершалось с шестнадцатого века под влиянием меркантилистических, позже физиократических идей. За двумя более высокими формами индивидуального развития – чистым действием как путем героя и чистым, направленным на аскетизм и познание созерцанием – следует проявляющееся все больше и больше утилитаристское воодушевление благосостоянием и материалистически понимаемым богатством. Отдельного человека больше не призывают к тому, чтобы узнавать себя в более высоком типе человека, в священнике или в рыцаре, так как эти типы людей отодвигаются в сторону буржуазной идеологией, а скорее к тому, чтобы раствориться в размалывающей все и вся конструкции превращения людей в массу, которая несет сначала имя нации, потом класса или человечества. «В этом национализме важно не столько формирование особенного национального самосознания, сколько тот факт, что «нация» стала персоной, независимым существом. До уровня этической ценности поднимается как раз неспособность преодолеть те узы почвы и крови, которые касаются только обусловленной природой и нижней интеллектуальной стороны человека – как раз невозможность отдельного человека добиваться для себя смысла вне коллективности и переданных ему традиций» (Эвола).

Итак, существует переход от личности к коллективу, от высокого к низкому, от духа к материи.

Очевидно, что национальная идея достигает своего апогея во французской революции. Ход нескольких столетий истории соединяется и ускоряется в течение немногих революционных лет. Монархия, последний, хоть и лишенный своей сущности остаток традиции, вытесняется национальным суверенитетом.

Нацию понимают больше не как иерархию разных по своей природе порядков, а как абстрактную сущность равных индивидуумов (известны слова Сийеса: «Нация – это скопление индивидуумов»). Национальная, признанная гражданином (citoyen) в силу его разума идентичность – это государственное гражданство как первая ступень на пути к всемирному гражданству.

Для Юлиуса Эвола это самая последняя фаза и логичный конец развития: «За освобождением ставших абсолютными государств от империи логически должно последовать освобождение суверенных, свободных и автономных отдельных граждан от государства».

Этой этатистской и якобинской точке зрения обычно противопоставляют так называемую романтическую концепцию нации, которая развилась в девятнадцатом веке в Германии, и пионерами которой были Гердер и Фихте. Согласно якобинской точке зрения предпосылкой образования нации является существование государственных рамок; романтическая концепция, напротив, ставит на первое место уже наличествующую нацию, национальную культуру, из которой происходит государство. Тем не менее, Юлиус Эвола не склоняется ни к той, ни к другой из этих концепций. Подъем национал-социализма и проводимое им до самого конца поклонение народной общности дают Эволе возможность напомнить о противоречии, которое в его глазах существует между государством, с одной стороны, и нацией, с другой стороны: между мужским, анагогическим, т.е. «двигающимся вверх» принципом духа и этики и женским, демагогическим принципом, демагогическим потому, что он сентиментален, связан с природой и ориентируется на наибольшее количество.

В традиционалистском анализе, который ориентируется на учение о трех функциях, упомянутое мною в начале моих рассуждений, получается следующее противопоставление: настоящее государство – не простое осуществление власти или правовая надстройка, а духовная сила формирования и различения – это законная авторитарная инстанция, которая гарантирует власть. Что касается нации, которая не представляет ничего иного, кроме как массу, которая приобрела определенную форму благодаря историческому наследию или этническому виду, то она – программа третьей функции. Мысль, что государство могло бы получить свою законность (и границы своего суверенитета) от нации, рассматривать национализм как реальность, представлять как необходимое политического единства с национальным единством – все это означает определять первую функцию с помощью третьей. «Политическая сфера, тем не менее, характеризуется иерархическими, героическими и идейными, антигедонистическими, и в определенной мере даже направленными против принципа счастья

ценностями, которые исключают ее из порядка подчиненного природе и вегетативного существования» (Эвола).

Так восемнадцатый век с его выступлением в пользу «производительной нации» и против «непроизводительного» князя испытывает полное изменение традиционных ценностей; в революционном дискурсе нация с момента ее происхождения является ограничением авторитета государства (как позже либерализм будет защищать индивидуума или рынок от «конструктивизма»). «Вопреки романтическому и идеалистическому туману, который может окружать эти понятия, нация, отечество и народ по существу принадлежат к чисто естественному и биологическому уровню, а не к политическому. Они соответствуют «материнскому» и материально-физическому измерению определенной общности» (Эвола).

Противоречие, которое содержится в попытке свести вместе две столь качественно противоположные сферы человеческой деятельности и существования, обнаружилось в определенных современных движениях, среди которых национал-социализм в его конечной фазе является самым недавним примером. «Причина его провала», так пишет Юлиус Эвола, «лежит в противоречии, состоящем в попытке захотеть быть одновременно «нацией» и «империей», а также в отсутствии настоящей универсальной, всеобщей основы». Любая историческая попытка, которая хочет интегрировать разные действительности в одном и том же историческом проекте, по необходимости требует растворения своеобразия в универсальном. «Имперская раса», говорит итальянский философ, «так же сильно дистанцируется от своих собственных качеств, как и от тех, которые свойственны другим расам; она не заменяет один патриотизм другим: она ставит универсальность на место частного».

Таким образом, мировоззрение, которое рассматривает общность расы и соответственно нации как центральную, а государство как вторичную и происходящую от общности нации действительность, никогда не сможет преодолеть свое собственное своеобразие без применения насилия. Европа Наполеона Бонапарта и Европа Гитлера – это два красноречивых примера политических структурных компонентов с риторикой об империи, «рейхе», но с национальным характером, политика которого в долговременной перспективе могла только лишь углубить расщепление давно утраченного европейского единства. В отличие от них Юлиус Эвола ссылается на «католическое средневековье, а также на Римскую империю или Индию как примеры действительно осознанной универсальности: они показывают нам возможность глубокого культурного и духовного единства внутри многообразия, часто даже несмотря на все конфликты, которые вели друг с другом государства и этносы внутри этих империй. Если потре-

буется в будущем создать европейское единство, то сделать это удалось бы только таким образом».

После этого изложения критики Эволой нации и национализма мне представляется необходимым и уместным сделать несколько критических замечаний.

В первую очередь нужно указать на то, что Юлиус Эвола в одном из своих текстов придает положительный смысл национализму, аристократическому национализму, который противостоял бы демагогическому национализму, национализму, который не боролся бы с традицией, как мы только что описали, а скорее был бы реакцией на самые последние формы современного упадка и коллективизма. Я уверен, что многочисленные и внимательные читатели Эволы, которые находятся в зале, не упустили бы момент напомнить мне об этих местах в тексте. Тем не менее, несколько причин побудили меня к тому, чтобы я в основной части моего доклада не касался этого.

Прежде всего, этот «положительный» национализм из-под пера Юлиуса Эволаса – это лишь другое наименование аристократической реставрации и в остальном имеет мало общего с концепцией нации. Речь тут больше идет о попытке завоевать территорию на понятийном и идеологическом поле (статья написана в 1931 году, когда повсюду в Европе у власти были националистические режимы). На другой странице Юлиус Эвола курьезным образом упоминает возможность, которую предложил бы этот национализм для методического восстановления традиционалистского порядка, в духе точного поворота вспять нынешнего разрушения: «Что касается этого национализма, который следует восстановить, то его целями должны быть следующие: в первую очередь упорядочить и привести в форму все, что в обществе соответствует физической, жизненно необходимой или животной сферам человеческого тела и относится к двум нижним, подчиненным классам: работа, экономика, политическая организация в узком смысле этого понятия, последствием этого был бы экономический мир, который вызвал бы освобождение энергий более высокого вида и сделал бы этим возможным оказание воздействия на более высоком уровне. Затем можно было бы приступить к восстановлению второй касты, воинственной аристократии, к которой принадлежит первый из аристократов: монарх».

Несмотря на то, что этот симпатичный план, если на него посмотреть зрело и уравновешенно, нереален, остается заметить, что Эвола занимает здесь позицию, которая находится в противоречии с традиционалистским вариантом истории; с этой точки зрения после завершения последнего века (Кали-Юги, темной мировой эпохи, Железного века) произойдет гигантский переворот, революция в первоначальном смысле слова, из которой мир поднимется в новый цикл но-

вого Золотого века. Это не имеет никакого отношения к «программе восстановления» традиционалистского порядка на манер Эвола, восстановления, которое еще исходило бы только с нижнего уровня («экономического мира»).

Ни в каком другом месте в своих трудах Эвола не повторял это представление, что допускает вывод, что оно было больше следствием давления политической конъюнктуры, чем основательных размышлений самого автора.

Если не считать этого, в общем и целом, второстепенного момента, то вторая основная критика, которая напрашивается нам, касается постоянного отождествления Эволом «демоса», массы, нации, общества, все из которых воплощают, тем не менее, качественно различные реальности, и которые автор путает с принципом количества и господства наибольшего количества. В его работах положительный свет нигде не падает на понятие тотальности или общности как альтернативные парадигмы по отношению к царящему над всем индивидуализму (Юлиус Эвола, который как Ницше не боялся защищать «аристократический индивидуализм» от коллектива или массы).

Видя в прорыве нации только одну причину упадка, только гримасу разрушения или тайной войны, которую ведут некоторые закулисные силы, как он не устает это излагать, Юлиус Эвола отказывается познать разнообразие факторов, которые объясняют успех и прочность национально-государственных порядков. Так как нация могла развиваться только в том случае, если она отвечала коллективному требованию, возникшему из смерти реальных общностей принадлежности под двойным ударом государства и рынка. Она является тем, что Серж Латуж с полным основанием назвал «общественным компромиссом новейшего времени», как убежище «оторванных от общностей» промышленной революцией индивидуумов, как тот кусок мечты, который был дозволен массам, чтобы заставить их забыть о непосредственных влияниях утилитаристского общественного устройства на все социальное тело. Она – форма принадлежности, которая допускалась и иногда порождалась идеологией экономики.

Луи Дюмон, другой поклонник Индии и традиционных обществ, тексты которого часто дополняют тексты Эвола, очень хорошо показал значение различия индивидуализма и целостности, чтобы можно было понять сущностное ядро нации. Для него нация возникает не «из простой конструкции солидарностей, которая никак не связана с определенными ценностями. Система ценностей включает нацию (система ценностей цельных обществ); другая не разрешает никаких других политических групп. [...] Нация – это современная социополитическая группа, которая соответствует идеологии индивидуума». Будь нация теперь собранием индивидуумов или коллективный индивидуум – она, во всяком

случае, не может отрицать индивидуалистические предзнаменования, под которыми она родилась: индивидуалистический принцип, который пренебрегает социальной совокупностью и отношениями людей между собой.

Нация означает не только свержение и разрушение «более высокого мира», она – также современный ответ на всеобщую потерю людьми своих корней. Но национальное государство обречено на гибель: его абстрактность, его противоречивое отношение к конкретизации и к экономизации общественных отношений, его бессилие приспособиться к современному геополитическому положению, его нынешняя неспособность обновиться с самих своих корней, а также его отход на рациональные и эгалитарные основы не допускают другого конца. Конечно, также основание ордена «граждан идеи» или «доброго дела», как это формулировал Юлиус Эвола, достойно нашего полного одобрения, даже если все это останется только благим пожеланием. Но можно также предположить, что ответ на национальную потерю корней придет «снизу» – ведь последствия идеологии модерна ощущались и ощущаются там все же жестче и отчетливее всего.

Перевод с французского языка Кристиана Деруэлля

Мартин А. Шварц

Александр Дугин и мы

Некоторые критики придерживаются мнения, что каждый, кто положительно высказывается о создании евразийской империи, должен по всем или, по меньшей мере, по всем принципиальным вопросам совпадать с Александром Дугиным. Однако Александр Дугин – это не просто журналист, агитатор или политик, а прежде всего ученый и философ. Его немногочисленные тексты из этих вышеупомянутых сфер, которые переведены на западные языки, демонстрируют оригинальный дух с большой синтетической силой, дух, связывающий многих авторов, которых мы знаем и ценим, с такими, которые мы меньше знаем и ценим, или не знаем и не ценим вообще. Эта связь происходит преимущественно – вопреки некоторым утверждениям – не синкретично, а из более высокого синтеза.

Кое-что другое – это позиции и заключения по актуальным политическим вопросам и адаптации его евразийской концепции. Сегодня Дугин, похоже, говорит уже не о континентальной евразийской империи последних дней, а, в смягченной реально-политической интерпретации, о политическом полюсе, о Владимире Путине, вокруг которого группируются силы сопротивления против гло-

балистских претензий сверхдержавы США: государства, союзы, нации и так далее. Дугин избегает всего, что могло бы сделать его обременительным для Кремля. Это может быть умно с реалистичной точки зрения, так как это поддерживает поворот российского правительства в евразийскую сторону, однако, это может дискредитировать его философскую позицию, так как далеко не все считают хозяина Кремля однозначно положительной фигурой. По всей видимости, отношение России к государствам, которые стали бы решающим краеугольным камнем евразийской империи, как Китай или Иран, все время использовалось только как козырь в игре против США, чтобы добиться собственных (экономических) преимуществ. Стоит лишь Западу сделать маленькую уступку, как «стратегического союзника» выбрасывают за борт. Голосования в Совете Безопасности ООН говорят об этом более чем убедительно.

Что может стоять за путинизмом Дугина, показывает следующее сообщение Кая Элрса: «Самую большую неожиданность в этот день я пережил во время встречи с Александром Дугином, моим особенным противником на евразийском поле. Я в ужасе от его националистических извращений евразийской идеи, от его мистицизма вокруг «евразийского хартленда» и вокруг миссии России как завершителя Третьего Рима. С давних пор я встречаю его, прежде всего, для того, чтобы провести между нами демаркационную линию.

В этот раз Дугин представляет себя активным представителем многополярного мира, в котором Россия является одним из центров наряду с тихоокеанским и европейским! На мое замечание, что во времена Перестройки и после нее он говорил совсем иначе, выступая за конфронтацию евразийского блока с трансатлантическим блоком, он заявил, что это, мол, были детские болезни из того времени, когда его захватил переизбыток эмоций – мотивированный заботой о сохранении России.

Но это время прошло, благодаря Путину страна консолидировалась. И сегодня на Путина оказывают влияние три мозговых центра: национально-либеральный, евразийско-патриотический и националистический. А сам Путин – что-то вроде смягчающего, регулирующего элемента, который, однако, скоро будет снесен прочь. «Тогда придем мы!» – «Мы», это «евразийские патриоты».

Фронт, о котором мечтает Дугин, отличается от фронта Гейдара Джемаля только религиозным окрасом: Дугин как православно-христианский – Джемаль как мусульманский политический мистик. Следовательно, Дугин воспринимает Джемалю, Проханова и других как тех, кто «за него», т.е. как своих сторонников. Так же как он сам видит себя «за Путина». «После Путина будем только лишь мы или наступит крушение».

Изменчивость идеологии принципиально не мешает нам в этом. Наоборот. То, что позицию Дугина настолько тяжело понять всем ученым, которые занимаются чем-то большим, чем антифашистской агитацией – а для этого все равно нужен фашистский противник, это свидетельство того факта, что речь у него идет не об идеологиях, а о тех принципах, которые по-разному конкретизируются в историческом и культурном плане, в современное время в форме идеологий. Между людьми, которые сохраняют всю свою идентичность с помощью идеологического догматизма, и теми, кто рассматривает идеологии скорее как одежду, которую можно снова снять и отложить в сторону, если изменилась погода, есть принципиальная разница. Последние кажутся оппортунистами, однако это не так, если они крепко придерживаются принципов, стоящих намного выше любых идеологий. «Настоящее государство», о котором говорил Эвола, «империя» и вместе с тем, в конечном счете, политическая сторона «традиции» может осуществляться фашистским, коммунистически-спартанским, языческим, православным, исламистским путем, так как она больше, чем все эти обусловленные исторической ситуацией оболочки. Идеологи безошибочно чувствуют это: тот, у кого есть более высокие принципы, чем их партийные идеологии, не принадлежит к их компании. Поэтому таких людей как Александр Дугин, Франко Фреда, Карло Террачано или Клаудио Мутти не понимают, или даже клеймят их как путаников, провокаторов или энтристов (внедренных с подрывными целями); так же и «Железную корону» сегодня преследует один узколобый идеолог своим словесным поносом. Так когда-то отодвигали на маргинальные позиции даже Эволу, который в отличие от «настоящего» фашизма, являвшегося, в конечном счете, философией буржуазного либерализма плюс социалистической формой организации, обладал действительно широкомасштабной доктриной. Эта изоляция Эволы, в конце концов, нанесла вред фашизму, который после этого, оставшись без прочной опоры на принципы, оказался исторически преходящим эпизодом.

Что касается Александра Дугина, то нельзя подвергать сомнению его принципиальное укоренение в традиции и в образце «настоящего государства» и «империи». Но можно ли реализовать эти вечные принципы в путинизме, это уже другой вопрос. В одеянии национал-большевизма он нравился больше.

Но есть также такие политические «актуальные вопросы», которые как бы придают трансцендентность этому уровню. Один из таких вопросов – сионизм. Эта тема не просто какой-то любимый конек. И эта тема также не подчинена империализму, хотя сионистский режим исполняет, без сомнения, первостепенную роль в планах американского империализма по проникновению во всю арабскую нефтеносную зону и нарушению геополитического единства Средиземноморского региона. Палестинский вопрос это тоже не чисто этнический конфликт вроде многих других, хотя, без сомнения, он является также и таковым. Любой

борющийся за освобождение националист должен знать, на чьей стороне он стоит и не должен искать никакого «национально-народнического сродства» между сионизмом и немецким национализмом, как это недавно произошло в одном националистическом журнале (вместо того, чтобы описать сотрудничество между сионистами и Третьим Рейхом просто как результат экономико-политического шантажа).

Шарль-Андре Жили пишет в своей книге «Профанация Израиля в соответствии со священным правом»: «Признавать «Государство Израиль» подразумевает то, что объявляют правильным профанацию, в которой оно виновно, что становятся его сообщником, и в частности, что несправедливо заявляют, что оно поощряется божественным благословением и используется в целях обоснования господства Бога и гарантировать Его власть. Борьба с таким государством означает укреплять его; но признание, тем не менее, укрепляет его еще больше: это адская дилемма. Для каждого традиционалистского духа единственной легитимной позицией, одновременно основанной на правде и на праве, является отказ от такого признания, чего бы этот отказ ни стоил. Первым долгом для ортодоксального еврея, христианина или мусульманина должно стать непризнание еврейского государства. [...] Несомненно, сегодня нет более необходимой священной войны, чем та, который является долгом для каждого мусульманина и так же для каждого традиционного духа – заклеить эту оскверняющую профанацию, которая содержит в себе зародыш одной из самых темных пародий, которая только может быть измышлена контринициацией: строительство «Третьего храма» в Иерусалиме, третьего по счету после храмов Соломона и Ирода, на том месте, где сегодня находятся Купол Скалы и Мечеть Омара».

Провидец апокалипсиса Александр Дугин определенно в полной мере осознает значение такого действия, которое касается отнюдь не только мусульман, но и хорошо известно в христианстве под понятием «Царства Антихриста».

Действительно он в 1995 году высказывался с достойной подражания ясностью: «К сионизму я отношусь крайне негативно. Во-первых, это движение противоречит самому еврейскому традиционализму, так как сионисты строят свои доктрины на отрицании трех важнейших талмудических принципов: во-первых, не восставать против народов, среди которых живут евреи, во-вторых, до прихода Мессии не собираться большими массами на «Земле обетованной», в-третьих, не приближать конец времен. Те, кто нарушают эти заветы, не могут считаться евреями в полном смысле этого религиозного, мистического термина. Об этом подробно рассказано в книгах и статьях известного нью-йоркского раввина Мейер-Шиллера, который не просто является высоким авторитетом современного иудаизма, но носит титул «Маггид Шиур», а для иудаистов это о многом го-

ворит. Во-вторых, Израиль геополитически изначально являлся стратегической базой воинствующего атлантизма (вначале Англии, потом США) на Ближнем Востоке. Это государство и идеологически и политически ориентировано на капитализм, Запад и ту систему ценностей, которая прямо противоположна принципам русского национального мировоззрения и евразийской геополитики в целом. Но вместе с тем антисемитский расистский подход в отношении евреев я абсолютно исключаю».

Но за прошедшее время точка зрения Дугина очень изменилась. Причина этого? Естественно, «три важнейших талмудистских принципа» за это время не изменились, также и положение сионизма как форпоста западной цивилизации посреди исламского мира и на стратегически важном фланге Евразии не может подвергаться сомнению. Но за прошедшее время произошло мощное переселение в Израиль «русских евреев», которые на самом деле во многих случаях больше русские, чем евреи, но при этом настроены антиарабски и расистски не меньше, чем их сионистские коллеги из Бронкса или временные израильтяне из Майами.

Александр Дугин несколько лет назад продемонстрировал двух сомнительных сионистских «раввинов», которые должны были представлять «израильское евразийство», преследуя при этом как раз контртрадиционный проект Третьего храма – и вместе с тем неизбежное разрушение святынь Харам-ас-Шарифа и апокалиптическую решающую битву у Армагеддона – после чего мы на несколько лет прервали любые контакты с ним. О том, поддерживает ли еще Дугин контакты с этими субъектами, есть разные мнения, но на виду они больше не появлялись. Тем временем Дугин уточнил свою точку зрения по отношению к сионизму, способом, который хоть и ошибочен, однако может быть достоин обсуждения. Исходя из лозунга победившего на выборах «Хамаса»: «Ислам – наше решение», Дугин провозглашает лозунг «Традиция – наше решение» и надеется на укрепление религиозно-еврейского элемента – хотя, как мы видели, однако, еврейская традиция запрещает евреям собираться в Палестине до прибытия Мессии.

Иранский президент Махмуд Ахмадинежад предложил единственное соответствующее традиции решение вызванной сионизмом проблемы: возвращение евреев в страны их происхождения. Совместное проживание мусульман, евреев и христиан в Палестине, за которое выступает Дугин в духе евразийства, возможно только после устранения сионистского режима и под защитой исламского закона. Как пишет Шарль-Андре Жили, «двуличие и слабость людей не могут изменить Божественное Право или объявить его утратившим силу. В силу полученного им поручения и благодаря своему циклическому положению ислам мо-

жет лучше всех других религий наблюдать за этим правом и сохранять традиционную ортодоксию. Можно определенно предположить, что он никогда не примет этот законченный факт [сионистское государство – примечание редактора]». На это, впрочем, указал Клаудио Мутти в своем «возражении Дугину».

В упомянутом тексте 1995 года, который состоит из ответов на вопросы или критику в его адрес, Дугин рассказывает: «Я убежден, что сейчас России и русским патриотам просто настоятельно необходимо начать мыслить геополитически, учитывая не просто романтические мифы «националистов» и славянофилов, но холодную реальность международного расклада сил. А этот расклад таков: есть гигантский атлантический блок, стратегически доминирующий на всей планете, и есть созвездие государств, народов, наций и религий, которые смутно и инерциально, но стремятся противостоять этой силе. Простейший подсчет стратегических, военных, геополитических, экономических и демографических ресурсов дает математически однозначный и неоспоримый результат – не просто победа, но даже начало реальной борьбы за независимость от атлантистского диктата зависит только от немедленного создания широкого континентального блока на базе Евразии. Его центром может быть только Россия, но без других евразийских «больших пространств» (и, в первую очередь, без антиамериканского исламского мира) ни о каком будущем не может идти и речи. Говорить о «чистоте славянской расы», о «крови», о «этнических чистках» в таких условиях не только безнравственно, но и совершенно безответственно, в первую очередь перед русским народом.

Что касается мифа о «солидарности белой расы», то это чистая утопия, приведшая, кстати, к геноциду не только евреев, но и славян. Крах Третьего Рейха – это плата за эту бредовую, противоречивую и в корне ложную концепцию. Англо-саксонский мир – это одна социально-политическая и культурная реальность. Жители Средней Европы – это нечто другое. Восточный мир Православия и славянства – третье. Я убежден, что многие небелые народы Евразии нам, русским, в тысячи раз ближе по духу и культуре, чем американцы. В этом вопросе я полностью разделяю позицию Льва Гумилева».

И в этих пунктах мы согласны с Дугиным на сто процентов. Россия – это центр евразийского проекта не потому, что русские – это такие милые люди, не потому, что мы считаем русских «избранным народом», и уж точно не потому, что мы в таком восторге от рыбоглазого бывшего шпиона в Кремле, а потому, что к этому принуждает география. Встать и сказать: «Кровь – это больше, чем почва» может вызвать аплодисменты в определенных кругах, но последовательным выводом из этого было бы, что земля сначала должна была бы быть заселена

собственной кровью, чтобы кровь также смогла оказывать политическое воздействие.

Генрих Гиммлер попробовал это, и мы здесь вовсе не хотим вспоминать об итогах этого. Достаточно одного: это не окупилось даже для самой Германии. Но сегодня даже для такой безумной попытки отсутствуют все предпосылки. Решающий вопрос, не только для нас, состоит в отношении евразийско-русского большого пространства к исламскому большому пространству. Сионистские агенты в «правом» движении, Александр Дель Валь и Гийом Фай, правильно говорят, что США используют ислам в качестве инструмента против Европы и против России. Только вывод, который они делают из этого, что Европа должна броситься на борьбу с исламом и видеть стратегического союзника в США и Израиле, на самом деле не сразу становится очевидным. В конце – в зависимости от варианта – либо расходы будут слишком велики или будут достигнуты цели дестабилизации региона («creative destruction»), которые вернут США обратно на их (кажущиеся) изоляционистские позиции, тогда как регион Средиземного моря запыхает, а Европа на десятилетия впутается в вендетту со своими соседями. Это тогда и станет «Американским Ренессансом», о котором грезит Фай, и ради которого он специально отправился – несмотря на свой большой страх полетов – к своим друзьям в God's Own Country. Полностью лишенная всякой логики позиция «евросибириков» перекрывается только их призывом к солидарности белой расы, которую англосаксы всегда обнаруживают тогда, когда оказываются в опасности потери своего империалистического влияния.

Если Дугин высказывается против любого расизма, это, кажется, противоречит его мистике «Арктогеи»; но мы предполагаем, что он понимает это так, как мы с Эволюй понимаем это: против любого плебейского биологического расизма, в то время как на напряжении между хаотичными и упорядочивающими силами душ строится внутренняя иерархия каждого народа – обозначить ее понятием «раса» было бы плохо, лучше применить понятие «дворянства», «аристократии», а не охлократия богатства и популизма. Уже Ницше говорил об «аристократических расах»: «римская, арабская, германская, японская аристократия, гомеровские герои, скандинавские викинги». Над противоречием «расизма» и «антирасизма» глумятся точно так же, как над непонятным понятием «универсализма». Так как немцы – в большинстве своем христиане – должны видеть врага в исламе так же, как и в американизме, так как он «универсален», хотел бы один «генератор идей» жульническим способом внушить националистам. То, что инспирированный Ветхим Заветом, эмигрировавший из Европы сектантский мессианизм «WASP»ов («белых англосаксонских протестантов») хочет сделать весь мир одинаковым, «универсалистским» – и также делает это путем западнизации и коммерциализации всего мира! – а с другой стороны «универсальный» ислам

«окончательно закрепляет» все предшествовавшие религии, т.е. берет их под свою защиту, как ковчег традиций в конце цикла (который однозначно определяется глобализацией, так как вопреки всем космическим фантазиям больше, чем вся эта Земля ничего нет, после нее будет конец, и должен начаться новый цикл), то это должно быть одним и тем же. Вместо этого нужно провозгласить тотальное разнообразие, т.е. постмодернистскую хаотичность, так как она «языческая» и вместе с тем «национальная». Почему единство нации все еще дозволено, остается неясным. Снова это может означать «Традиция – наше решение». Традиции, составными частями которых являются также нации, – это отображения одной примордиальной традиции, последним воплощением которой является ислам, который включает в себя и заканчивает все прежние, не поглощая их, так как они могут существовать до появления Махди (который также распустит тогда исламские правовые школы). Апокалиптическая перспектива свойственна, впрочем, также всем другим традициям (в противном случае это были бы не полноценные традиции), и их стоит упомянуть, так как противоположная позиция, поставленный на голову порядок, контртрадиция, базирующаяся на воздействии контринициации так отчетливо проявляет свои контуры, представляя саму себя в качестве инструмента Бога. При этом нетрудно увидеть в них предвестников Антихриста, Даджаля. Александр Дугин раньше тоже много говорил об этом, а теперь, похоже, делает это большей частью только в гомеопатических дозах.

Чандала-националистические графоманы и повторяющие вслед за ними Дорнбуши могут и дальше ставить нам в упрек те или иные отклонения от реально-политических концепций современности, которые представляет или якобы представляет Дугин. По существу, в субстанции и в трансцендентности, которые они не в состоянии увидеть, Дугин был и остается «одним из нас».

Маркус Фернбах

Православное сопротивление западной концепции прав человека

Реакция

Между 1872 и 1884 годами, в то время, когда уже созревали «горькие плоды» либерализма, русский аристократ Константин Леонтьев сформулировал свое понимание: «Но это общенравственное начало, эта чистая этика, освобожденная от всякой ортодоксии, от всякого мистического влияния, не есть ли именно этика все того же среднего, буржуазного типа, к которому хотят прийти нынче многое множество европейцев, сводя к нему и других посред-

ством школ, путей сообщения, демократизации обществ, веротерпимости, религиозного индифферентизма и т. п.» Этим было время восстаний, крестьянских бедствий, упадка аристократии и идущего параллельно с ним подъема купленного за деньги дворянства. Бедствие усиливалось общим упадком и идущим вместе с ним упадком местных учреждений. В духовной западнизации за счет либеральных идей Леонтьев чувствовал намного большую угрозу, чем в идеях социализма: последний в противоположность либерализму мог бы при цельных слоях населения, по крайней мере, вызвать еще полезную консервативную реакцию. Однако в любом случае, оба течения вели «к одной революции: к проклятой однородности». Вышедший укрепившимся из европейских революций уравниловский и светский либерализм уже тогда расплескивался по дореволюционной России и готовил путь своему обруганному брату-близнецу, большевизму. Несмотря на все свои зверства, большевизм неосознанно законсервировал русско-православный дух, который спустя более семидесяти лет проснулся, наконец, из своего красного кошмара.

С конца Советского Союза в 1991 году влияние православной церкви непрерывно возрастает. Прежде всего, молодое поколение русских снова толпами идет креститься в когда-то подвергавшиеся насмешкам церкви. Также большинство посткоммунистических русских интеллектуалов заново открывает для себя «сущность русской души», интеллектуально обрабатывает это открытие и в немалой доле приходит к результату, что русская православная церковь используется новыми атеистическими правителями в Кремле в качестве инструмента. Причина этой предполагаемой инструментализации церкви государством основывается на сути и истории православия. Если рассмотреть отношения между государством и религией в царские времена, то можно увидеть, что существовала определенная симфония между императором и главой христианской церкви. Церковь всегда видела в царе своего естественного покровителя и хранителя православия. Ее собственные задания в пределах этой конструкции ограничивались самой исконной областью: сохранением духовных истин и церковного порядка. (Непонятно, какой именно период истории монархии в России имеет здесь в виду автор, поскольку отношения церкви и государства до и после Петра Первого и его церковной реформы существенно различались. – прим. перев.)

Душа России

Поэтому западная система светского государства коренным образом чужда русскому духу. И потому это естественный процесс, что части русского духовенства также сегодня снова поддерживают государство. Владимир Путин, в глубине души в принципе модернистский кремлевский хозяин сегодняшней России, яв-

ляется знатоком «русской души» и знает, как соответствующим образом воспользоваться ею. Как Александр II до него президент Путин также умеет привлечь представителей великорусской идеи, как и представителей православной церкви к верности идее нового сильного Российского государства.

Тем не менее, в противоположность царским временам Россия наших дней разрывается между традицией и либеральным капитализмом. Насколько чуждой должна представляться государствам западной «общности ценностей» сущность настоящей традиции, настолько чужда также Матушке-России сущность либерализма. Душевное состояние сегодняшнего русского человека кажется противоположным душевному состоянию современного западнизированного европейца.

Но каковы причины этой противоположности? Самое сильное влияние оказала на русское православное христианство византийская мистика исихазма в форме молитвы Иисусу. Движение исихазма, сильно воздействовавшее в пятнадцатом веке на движение русских отшельников, снова нашло широкое распространение уже в девятнадцатом веке – в том числе благодаря монахам монастыря Оптиной Пустынь. Во вступлении к одному труду русского монаха Иллариона говорится, что молитва Иисусу в девятнадцатом веке, вместе с православной литургией, превратила русский народ в молящийся народ. Русский славянофил и философ Юрий Федорович Самарин (1819-1876) даже возвысил мистику исихазма до основной национальной черты русского человека, которого он называл homo-russico-orthodoxus (русско-православный человек). Самарин выделил этот тип как противоположный полюс к «сформированному жадностью материальных благ типу западноевропейского человека». В том же смысле высказывался нобелевский лауреат Александр Исаевич Солженицын о неоспоримом «праве наших ушей на тишину, праве наших глаз на внутреннее видение».

Религия прав человека

В наши дни дух православия снова освещает «русскую душу» – шепот проходит сквозь русское общество, и многие события намекают на близкий поворот внутри российского многонационального государства; этот поворот мог бы, в конечном счете, привести к новому рождению православной России как центральной державы, как Третьего Рима в пределах Евразии.

Одним из важнейших событий прошлого года, долгосрочное влияние которого пока еще нельзя оценить в полной мере, был Всемирный русский народный собор в апреле 2006 года в Москве. На нем высшие иерархи Русской православной церкви встречались с высокопоставленными чиновниками, депутатами пар-

ламенты и различными правозащитниками. Главы церкви демонстрировали свое недовольство «агрессивным либерализмом», который пришел в Россию параллельно с капитализмом и западной хартией прав человека и воспринимался православной стороной как угроза этическим ценностям. Западной концепции прав человека была противопоставлена собственная российская «Декларация о правах и достоинстве человека». В отличие от западной концепции в ней подвергались сомнению либеральные ценности, и отвергалась светская универсальная программа атлантистов. Участники Собора пришли к выводу, что либеральные «ценности» – которых требует Запад в качестве универсальной, всемирной модели – являются лживыми, так как они игнорируют мораль. По соборному мнению права и свободы – если они вырваны из морального контекста – соблазняют людей к преступным и греховным действиям. Отсюда следовала проблематика, что представители западной концепции, мол, приравнивали «права человека» к состоянию вседозволенности.

Его Святейшество Кирилл II, митрополит Смоленский и Кёнигсбергский (так у автора, скорее всего, Калининградский) резко раскритиковал западный либерализм за то, что он стирает «границу между добром и злом», так как: «Личность не может реализовать себя таким образом, который мог бы повлечь за собой ограничение свободы других людей». Митрополит привел ряд западных отрицательных примеров: бомбардировки христианских церквей в Косово, которые не вызвали возмущения на Западе, или скандал по поводу карикатур на пророка Мухаммеда, где под прикрытием свободы прессы был спровоцирован и оскорблен весь мусульманский мир. Эти и другие примеры показывали неуважение к морали. Это неуважение Западом основных ценностей защищается [«религией прав человека»](#) (Ален де Бенуа).

Уже в апреле 2006 года на Десятом собрании «Всемирного русского народного собора» – основанной церковью и Кремлем головной организации национально-патриотических организаций – патриарх Алексий II отверг Декларацию ООН о правах человека как аморальную. Также патриарх, как наивысшее духовное лицо Русской православной церкви, считает, что укорененные в западном мышлении «либеральные представления» предоставляют людям тотальную свободу без моральных ограничений и ценностей. Патриарх Алексий II высказался даже в том духе, что «права человека» для России представляют даже большую опасность, чем коммунистический атеизм.

«И, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь; претерпевший же до конца спасется». (Евангелие от Матфея, 24, 12-13)

Какой долговременный эффект окажет это заявление Собора на Европейский Союз, мы узнаем только со временем, так как весьма влиятельная в православном мире Русская православная церковь оказывает также сильное влияние на те центральноевропейские и восточноевропейские национальные православные церкви в странах, которые уже являются членом ЕС или хотят стать ими в ближайшее время. К этому еще добавляется Акт о каноническом общении, подписанный 17 мая в Храме Христа Спасителя первоиерархом Русской православной церкви за границей митрополитом Лавром и митрополитом Алексием II, что должно было восстановить единство русской церкви.

Реакция Запада на русский вызов

По причине этой синергии возникает вопрос, может ли расширенный на Восток Европейский Союз на долгий срок сохранить западную, светско-либеральную конструкцию прав человека.

Россия хоть и ориентируется, с одной стороны, все сильнее на западноевропейские нормы и законы, но на другой стороне стоят многие влиятельные реставраторские силы, которые – как, например, Александр Дугин – как раз и не рассматривают Россию в качестве географической, исторической и духовной составной части Европы. И эти силы – прежде всего Русская православная церковь – изо всех сил отказываются слепо следовать идеологическим предписаниям Запад и вместе с тем рано или поздно утратить свою собственную душу. Дьякон Андрей Кураев удачно сформулировал русско-православное послание Европе такими словами: «На окраине Европы мы защищаем ценности старой Европы». Митрополит Кирилл II идет еще на один шаг дальше. В одном интервью на тему глобализации он дает понять, что видит «Россию как евразийское государство, которое объединяет в себе Восток и Запад, и располагает неповторимым цивилизаторским потенциалом».

И как реагирует Запад на этот вызов? Немецкая пресса, в частности газета «Берлинер Цайтунг» от 15 сентября 2007 года, взволнованно заявляет о «рождении клерикального фашизма» в России. В своей статье газета ссылается на представленный в конце августа 2007 года новый проект под названием «Русская доктрина». Этот памфлет был представлен публицистом под псевдонимом «Максим Калашников» и двумя принадлежащими к Московскому патриархату соиздателями. Манифест, разработанный экспертной группой под названием «Центр динамического консерватизма» («Калашников»-Кучеренко всегда был склонен к громким названиям – прим. перев.), должен служить «модернизации России на основах духовно-моральных ценностей и консервативной идеоло-

гии». Митрополит Кирилл II «на презентации этого произведения выразил надежду на то, что эта доктрина могла бы послужить в качестве руководства к действию для будущей правящей партии и для Кремля». Для либеральной берлинской газеты это означало предположение о том, что манифест якобы требовал, по словам автора статьи, создания «православного правоконсервативного движения», которое «стремится к преобразованию России в теократическую сверхдержаву». Доктрина намечала экономические, социальные и образовательные реформы, которые нужно осуществлять в согласии с традиционными русскими ценностями. С традиционными ценностями и представлением о «социальном обеспечении и широкомасштабном здравоохранении», а также с представлением, что «школы нужно преобразовать в центры воспитания здоровой элиты, чтобы уверенные в себе русские дети вырастали как представители великой цивилизации, исторической семьи, принадлежать к которой – большая честь», либеральная Германия двадцать первого века, естественно, не может совсем ничего поделать, ведь «наша» мейнстримная пресса представляет и рьяно защищает западную систему «ценностей». Больше всего в газете жалуются на то, что «российская общественность до сих пор едва ли хоть как-то отреагировала на этот клерикально-фашистский манифест».

Могло бы возникнуть подозрение, что реставраторские силы изолированы в русском обществе, но это совсем не так: многие депутаты Думы и региональных парламентов поддерживают эти группы или даже сами в них входят. Александра Дугина тоже охотно приглашают на телевизионные ток-шоу и дискуссионные форумы. Не в последнюю очередь Дугин стал постоянным участником передач, появившихся на патриотическом православном телеканале «Спас» в 2007 году.

Угроза американского империализма

Патриотические круги России уже довольно давно поняли, что Запад – прежде всего США – пытается насильственно распространить по всему миру свою «религию прав человека». Самые актуальные примеры – это, среди прочего, войны в Ираке и в Афганистане. Атлантисты вбивают в сознание общественности мысль о неизбежном столкновении между «христианским западом» и «исламским востоком». Президент Джордж Буш-младший, как известно, даже дошел до того, что провозгласил «крестовый поход против террора». Стремление втянуть в эти конфликты также Россию не остается незамеченным для антилиберальных российских сил. Министр иностранных дел Сергей Лавров относительно этого заметил на вышеупомянутом Соборе: «В этом я вижу угрозу не только фундаментальным интересам международного положения России, но и ее внутреннему

развитию как многонациональной и многоконфессиональной страны». Так как не только русские православные отвергают либерализм. Идея «национального возрождения охватила все этносы России, причем практически для каждого этноса религия представляла компонент его национального возрождения. В полном согласии с образом действия центральной власти в Москве органы власти соответствующих национальных республик также поддерживают свои «национальные религии» и стараются опереться на них». Так, органы власти северокавказских республик поддерживают ислам, а в Калмыкии и Туве активную поддержку получает буддизм.

«В середине двадцатого столетия народ того времени начнет становиться неузнаваемым. Когда время будет приближаться к пришествию Антихриста, разум людей помрачится от страстей плотских, и все более будет усиливаться нечестие и беззаконие. Мир тогда станет неузнаваемым, изменятся облики людей и нельзя будет ясно различать мужчин от женщин, благодаря бесстыдству в одежде и форме волос головы. Эти люди одичают и будут жестокими, подобно зверям, из-за соблазнов Антихриста. Не будет уважения к родителям и старшим, любовь исчезнет. Пастыри же христианские, епископы и священники, станут мужами тщеславными, совершенно не различающими правого пути от левого. Тогда нравы и предания христиан и Церкви изменятся. Скромность и целомудрие исчезнут у людей и будут царить блуд и распущенность. Ложь и сребролюбие достигнут высшего предела, и горе накапливающим сокровища. Блуд, прелюбодеяние, мужеложство, тайные дела, кража и убийства станут господствовать в обществе».

(Пророчество Святого Нила Мироточивого Афонского (умер в 1651 году))

От участников Московского Собора также не ускользнуло то, что, к примеру, беспорядки в заселенных мигрантами окраинах европейских городов, волна исламских протестов против некоторых безвкусовых враждебных к исламу публикаций в прессе Западной Европы и, наконец, рост международного терроризма связаны с доктриной прав человека. Участники Собора на полном основании исходят из того, что Запад пытается втиснуть все разнообразие мира в такие формы демократии, которые были искусственно созданы исключительно в западноевропейском философском контексте. Рене Генон замечал, что «такие тезисы как «равенство» «прогресс» или как называются все остальные «светские догматы веры», которые почти все наши современники воспринимают слепо, в большинстве своем получили свою четкую формулировку [только] в течение восемнадцатого столетия». Для Генона результатом «светских догматов веры» является, наконец, современная демократия, которую он рассматривает как «чистую невозможность». Генон писал: «Самые решительные доводы против

демократии можно сформулировать следующим образом: высшее не может происходить из низшего, поскольку из меньшего невозможно получить большее, а из минуса плюс. Это абсолютная математическая истина, отрицать которую просто бессмысленно». Либеральную демократию и ее неудачного ребенка и их «религию прав человека» нельзя привести в согласие с традиционалистскими учениями, такими как ислам, буддизм, индуизм, католицизм и православие.

Сейчас наконечником копья борьбы за «права человека» являются США. Майкл Ледин, идеолог «неоконсерваторов» (Neoscons), открыто и недвусмысленно выразил невозможность сосуществования между традицией и западным мышлением: «Творческое разрушение – это наше среднее имя, внутри и снаружи нашего собственного общества. Мы каждый день низвергаем старый порядок, от бизнеса к науке, литературе, искусству, архитектуре и от кино к политике и закону. Наши враги всегда ненавидели этот смерч энергии и креативности, который грозит их традициям (какими бы они ни были) и стыдит их за их неспособность поспевать. Так как они видят, как Америка упраздняет традиционные общества, они боятся нас, так как они не хотели бы, чтобы их упразднили. Они не могут чувствовать себя уверенными, пор пока мы здесь, так как одно лишь наше существование – наше существование, а не наша политика – угрожает их законности. Они должны атаковать нас, чтобы выжить, так же как мы должны разрушить их, чтобы осуществить нашу историческую миссию».

«На последующих страницах мы назовем нигилистами людей разных, казалось бы, взглядов: гуманистов, скептиков, революционеров всех направлений, художников и философов различных школ, но всех их объединяет одна общая цель. Имеем ли мы дело с «позитивной» критикой христианских истин и установлений, революционным насилием, направленным против старого порядка, апокалиптическими видениями всеобщего разрушения и близости земного рая, «объективными» научными трудами, имеющими задачей «улучшение жизни» в этом мире, цель у них у всех одна: отказ от Божественного Откровения и подготовка нового порядка, в котором не останется и следа старых представлений и в котором человек будет единственным богом».

(Отец Серафим Поуз. Nihilism: the root of the revolution of the modern age. Piatina: St. Herman of Alaska Brotherhood, 2001, стр. 20.)

Так целенаправленно и быстро разрушают высокоразвитые культуры и традиции во имя свободы. Свободы, которая требует абсолютного индивидуализма, безграничной безбожной свободы. Питер Крифт, американский католический публицист, очень удачно заметил, что современный человек по его собственному пониманию находится в постоянном процессе изменения, так как человек по

сущности своей нестабилен и динамичен. Он должен либо подниматься выше, либо опускаться ниже. По мнению Крифта, человек, который не поднимается к Богу, опускается вниз к животному состоянию. И Мартин Лингс указывал, что «требование свободы это, прежде всего, требование Бога, причем абсолютная свобода является существенным признаком божества».

Богочеловек Христос высказывался в этом смысле, когда говорил: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Нико Пор

Сотрудничество Европы и России – создание евразийского экономического пространства

В изменчивой истории Германии и России снова и снова были фазы сотрудничества, мирного сосуществования, но были также и периоды открытой вражды, причем оба названных первыми политическими состояниями однозначно были обычным явлением. Вспомним, например, о сотрудничестве – пусть даже только военном – различных немецких княжеских домов под руководством Пруссии в освободительных войнах против Наполеона в 1813-1815 годах. Или подумайте о «тихом» союзе между Германской империей и молодым Советским Союзом. Оба государства считались главными проигравшими Первой мировой войны. Суровый и мстительный диктат Версаля едва ли оставлял проигравшей Германской империи шанс на передышку и осуществлял беспрецедентное экономическое, политическое и военное порабощение немцев. Открыто продолжавшаяся вражда держав Антанты по отношению к советским правителям России выражалась в отправке экспедиционных войск и в прямой поддержке противников революции, а также в разрыве дипломатических отношений. Результатом этих мероприятий стала полная внешнеполитическая изоляция нового государства. Было очевидно, что оба «проигравших» решились на единственный выход из этого очевидно дискриминационного положения – они сблизились между собой. В 1922 году оба государства заключили Рапалльский договор и установили дипломатические отношения, а также втайне развивали свое экономическое и военное сотрудничество. Это взаимодействие вопреки идеологическим различиям продержалось до 22 июня 1941 года, дня, когда Вермахт вторгся в Советский Союз и нанес удар по Красной армии, находящейся в состоянии подготовки к нападению на Германский Рейх. После окончания Второй мировой войны сформировались два блока держав, которые разделили весь мир вообще – и Германию в частности – на капиталистическую и социалистически-коммунистическую половины. Последовавшие десятилетия характеризовались постоянными пере-

менчивыми движениями в попытках одной стороны перегнуть другую в экономических и военных интересах. Только оказавшийся неожиданным для Запада во главе с США самороспуск Советского Союза привел к окончанию этого устойчивого состояния военного и политического напряжения, названного «Холодной войной», результатом чего стал полный роспуск так называемого Восточного блока. В ходе последовавшего преобразования мира оба немецких государства ФРГ и «ГДР» были отпущены в «справедливость» «Договора 2+4», а затем частично воссоединенная Германия была тесно привязана к ЕЭС (позднее ЕС) и одновременно к НАТО. В то же самое время тотальный отказ от марксистско-ленинской доктрины начал глубокие перемены в русском самосознании.

Посткоммунистическая Россия

Новый человек в Москве, президент Борис Ельцин своей безграничной либерализацией доселе управляемой государством экономики привел к полной распродаже государственного имущества и народного достояния. Для русской молодежи все идеалы теперь были разбиты, а мафия бесчинствовала повсюду. Это время как новая «Смута» ушло в историю в 2000 году с приходом к власти Владимира Путина. Теперь новая Россия видит себя подвергающейся опасности окружения со стороны США и их новых союзников, которых можно встретить как в блоке НАТО, так и вне его. Масса этих новых союзников состоит почти исключительно из бывших членов распавшегося вместе с Советским Союзом Варшавского договора, или речь идет о ставших независимыми бывших советских республиках. Это обстоятельство делает для Путина и его правительства вполне понятными поиски партнеров. Партия Путина «Единая Россия» требует сильной и объединенной России, которая отбросит, наконец, позор ельцинской эры и будет смотреть вперед в будущее.

Национальный компонент, в сочетании с социальными обязательствами государства по отношению к его гражданам, должен вызвать чувство единства и уверенности у каждого отдельного гражданина. Русской молодежи, несмотря на негативные результаты демографических исследований – русским пророчат «вымирание» – впервые действительно предстоит сыграть роль защитников будущего. Вера в отечество, веру в собственное руководство, вера в собственные силы в экономике, науке и технике и, наконец, (все сильнее возвращающаяся) вера в бога и православную церковь создают новые идеалы, которые, в отличие от коммунистической утопии, на это раз вполне могут реализоваться.

Россия – богатая сырьем гигантская держава

Состояние российской экономики уже несколько лет улучшается – что внушительно подтверждается ежегодным ростом приблизительно на семь процентов. Утечка капиталов за рубеж приостановилась, а рубль снова циркулирует в собственной стране. Медленно снова образуется стабильный средний класс, и граждане, наконец, благодаря долгое время растущей покупательной способности снова могут потреблять, вместо того, чтобы просто бороться за существование. Но при этом нельзя забывать все еще существующую большую массу бедняков, полностью неимущих, однако они представляют собой бесславный посткоммунистический остаток ельцинских лет. Несмотря на эти существующие проблемы, гигантская империя площадью 17 миллионов квадратных километров с ее 143 миллионами жителей владеет невообразимыми запасами разных видов сырья, оценки которых могут быть только приблизительными, так как полная разведка месторождений до сих пор отсутствовала. В недрах России дремлют – в сравнении с всемирным объемом – 30% имеющегося на планете природного газа, вторые в мире запасы угля и все еще приблизительно 6 % ставшей предметом ожесточенной борьбы нефти. К этим внушительным цифрам нужно добавить большие запасы хрома, вольфрама, меди, олова, золота и алмазов. Не говоря уже о больших лесных пространствах русской тайги как источнике строевого леса и промышленной древесины. Русским, однако, не хватает точного определения местоположения месторождений, установления связи с путями сообщения или создания новых дорог, инвестиций в разработку, добычу и продажу сырья. И здесь Европа, прежде всего Германия, должна сыграть центральную роль, так как во всем мире возникла огромная потребность в этих видах сырья.

Евразийская программа обещает самоопределение

В различных партийных и интеллектуальных кругах СНГ существует давно необходимое и плодотворное для обеих сторон представление о сотрудничестве между Россией и Европой в экономических, политических и военных вопросах. Очень активным защитником такого сотрудничества является Александр Дугин, известный евразийский теоретик, а также политик и близкий консультант президента Путина. (По мнению Антона Шеховцова Путин никогда лично не встречался с Дугиным – прим. перев.) Евразийский союз, за который так рьяно выступает Дугин, может стать активным противоположным полюсом по отношению к опекаемому США Евросоюзу и НАТО, где доминируют США, с одной стороны, и к будущим «сверхдержавам» Китаю и Индии, с другой стороны. Основной пред-

посылкой для создания этого противоположного полюса является единая Европа с «корневыми странами» Германией, Францией, Италией и Великобританией – а не дикое сборище самых различных средних, малых и совсем маленьких государств, которые своими различными и противоречивыми намерениями мешают Европе, раздувают ее административно и, наконец, ведут к тотальному застою, что отчетливо видно на примере ЕС. В слабой Европе всегда были заинтересованы глобально действующие силы из англо-американских финансовых центров, представления которых основываются на «теории хартленда» британского геополитика Хэлфорда Макиндера. Согласно этой теории, первая заповедь состоит в том, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы Германия и Россия пришли к активному континентальному сотрудничеству, так как тогда был бы утрачен контроль над евразийским континентом, и тем самым стала бы невозможна полная эксплуатация месторождений полезных ископаемых. С основанием НАТО и Европейского Союза США удалось создать одновременно два «трамплина» на старом континенте. Благодаря тесной связи государств Западной Европы с США во время процесса формирования желаний европейцев в них как бы между прочим можно внедрять американские интересы, и вследствие этого подвергать европейцев мелочной опеке во всех сферах. Это американское доминирование распространяется, само собой разумеется, на новых союзников / вассалов США в Восточной Европе и Азии и представляет тем самым потенциал конфронтации к российским интересам в области безопасности и экономики. Начнется ли здесь снова и снова предсказываемая «Новая холодная война»? Таким спекуляциям правительство президента Путина пытается поставить барьер, все теснее ориентируясь в экономическом плане на Германию (трубопровод по дну Балтийского моря), а также на «корневые» страны Европы на Западе и на будущую сверхдержаву Китай на Востоке.

Германия и Россия как взаимодополняющие евразийские партнеры

Преимущества, которые следуют для Европы из такой тесной связи, очевидны, так как российские предприятия после заката Советского Союза и связанной с этим потерей знаний очень нуждаются в современных ноу-хау в науке и технике, чтобы быстро, безопасно, рентабельно и без вреда для окружающей среды добывать и продавать свои огромные ресурсы. У европейцев есть эти знания. Они за последние десятилетия накопили большой и болезненный опыт ввиду уменьшения количества полезных ископаемых или работы с неблагоприятными, нерентабельными месторождениями. Вследствие этого в Европе были вынуждены работать в областях исследований, развития, поиска месторождений, их разработки и создания рынков. Сегодня основные европейские страны находятся на ведущих позициях в мире как раз в этих областях и даже являются лиде-

рами этого рынка. В области производства новые заводы в будущих евразийских центрах промышленности и услуг могли бы очень выгодно позаботиться о сохранении и восстановлении ведущих мест на мировом рынке. Упомянем только о непобедимой, крепкой и технически сильной российской космической технологии. С давних пор европейские спутники запускаются в космос с российской помощью с космодрома Байконур с использованием российских ракет. Как вознаграждение Россия может извлекать пользу из замечательной европейской атомной высокой технологии. Французская и немецкая (к сожалению, в Германии, пожалуй, уже ненужная) ядерная техника является самой безопасной в мире. Соглашение о взаимопомощи и развитии значительно уменьшило бы финансовые расходы на атомные исследования в Европе и России, которые Россия и европейские страны сейчас осуществляют – и финансируют – самостоятельно). В политическом отношении европейско-российский союз делает возможным пространственное распространение от Атлантики до Тихого океана и вместе с тем тесную кооперацию между Востоком и Западом.

Хорошие международные отношения – это абсолютная необходимость в оценке будущих проблем и решения конфликтов. Германия благодаря своему стратегически благоприятному центральному положению в сердце Европы может стать центром контактов между Азией и Европой и одновременно получить роль посредника с западным миром, как это часто происходило в прошлом самое позднее уже с восемнадцатого столетия. Если добиться этого состояния, то может развиваться процветающая евразийская экономика. Чтобы это отделение от доминирующей в США экономической системы либеральной мировой свободной торговли было защищено, Европе и России обязательно придется создать собственную военную стратегию.

Защита от американской доктрины применения силы как опробованного средства, чтобы в зависимости от обстоятельств наказать ускользающих из собственных рядов бывших союзников или защитить геополитические стремления Соединенных Штатов к доминированию. В конце концов, национальная безопасность почти всегда выдвигается на передний план в качестве причины, а затем уже происходит «умиротворение» данного региона посредством превентивного удара.

Евразийская экономическая зона как защита от гегемонистских стремлений США

Если посмотреть на Восток, то в глаза бросаются две прогрессирующие будущие сверхдержавы: Китай и Индия. Оба государства по причине одного только своего количества населения находятся в стартовой позиции, готовые лишить англо-американцев их позиции мировой гегемонии. Россия Путина созданием т.н. Шанхайской организации сотрудничества сделала первый шаг к разумному сотрудничеству равноправных партнеров. С созданием евразийской экономической зоны при собственной военной защите от рисков отрицательное влияние конкурентов (дешевые продукты, перемещение рабочих мест, экономический и промышленный шпионаж и т. д.) будет остановлено и ослаблено, если даже не предотвращено полностью.

В заключение остается констатировать, что без Германии и европейских «корневых» государств, называемых «старой» Европой консолидированная, процветающая Россия не сможет развиваться, а без России не может быть никакой суверенной Европы. Поэтому на карту поставлено будущее Европы как союзного с Россией независимого и самостоятельно действующего экономического пространства; области, в которой евразийцы – так как тогда они сами будут держать штурвал управления в своих руках – ослабят вредные порождения глобализации и избавятся от них, и смогут таким образом предотвратить тот вред, который глобализация несет народам.

ДОПОЛНЕНИЕ

Сергей Станиславович Беляков

ДУГИН И ГУМИЛЕВ, ИЛИ ФАЛЬШИВЫЙ НАСЛЕДНИК

(Глава из книги «Гумилев сын Гумилева», «Астрель», Москва, 2013 г.)

В девяностые годы даже среди поклонников Гумилева имена Иванова, Ермолаева, Мичурина, Шишкина мало знали. Их совершенно закрыла исполинская тень Александра Дугина.

До начала девяностых Александр Гелиевич Дугин был вполне андеграундным персонажем. Поклонник мистика Юрия Мамлеева, соратник оккультиста Евгения Головина и тогда еще неизвестного философа-исламиста Гейдара Джемалея, Дугин выучил несколько европейских языков и увлекся идеями европейских эзотериков, мистиков, геополитиков и просто ультраправых мыслителей, совершенно неизвестных в Советском Союзе. В девяностые годы Дугин переведет и перескажет своими словами их сочинения и, таким образом, познакомит интеллигентного читателя с трудами Рене Генона, Юлиуса Эвола, Германа Вирта, Карла Шмитта и Карла Хаусхофера. По дугинским «Основам геополитики» будут учиться студенты гуманитарных вузов.

В 1989 году Дугин написал свою первую монографию «Пути Абсолюта», где пропагандировал идеи «тотального традиционализма», весьма экстравагантного, а для советского читателя – и вовсе инопланетного учения. Основоположителем «тотального» (или «интегрального») традиционализма был французский мыслитель Рене Генон, истинный учитель Александра Гелиевича.

В том же году Дугин познакомился с Александром Прохановым, который редактировал тогда «Советскую литературу» и пытался сделать этот журнал интеллектуальным и респектабельным. Проханов предложил молодому эзотерику написать на актуальную тему, применив на практике положения тотального традиционализма. Вскоре Дугин стал постоянным автором и основанной Прохановым газеты «День» (с ноября 1993 года – «Завтра»).

Хотя уже в начале девяностых Дугин приобрел репутацию правого интеллектуала, фантастически эрудированного и оригинального мыслителя, он все еще оставался подлинным маргиналом и как философ, и как политический деятель.

В середине девяностых Дугин писал о консервативной революции и национал-большевизме, стремясь встроить их в эклектику интегрального традиционализма. Однако идеология консервативной революции также представляла скорее академический интерес. Не получилось и с национал-большевизмом. Дугин стал вместе с Эдуардом Лимоновым идеологом и одним из основателей национал-большевистской партии. Но принципиальный нонконформизм Лимонова не оставлял шансов когда-нибудь сблизиться с Кремлем, войти в круг избранных. С Лимоновым Дугин разошелся достаточно быстро.

Выбраться с обочины политической жизни, где он прозябал вместе с «нерукопожатными» тогда Прохановым и Лимоновым, Дугину помогло евразийство.

Александр Гелиевич утверждает, будто познакомился с идеями евразийцев еще в середине восьмидесятых. Однако в его ранних произведениях влияния евразийских идей незаметно. Даже в книге под названием «Мистерии Евразии» евразийству посвящен всего один абзац в начале второй главы: «Наиболее глубокие русские мыслители XX века, высказавшие действительно важные соображения о судьбе России, – это, бесспорно, «евразийцы», идеологи особого «третьепутинского» крыла первой русской эмиграции». Ни имен, ни ссылок.

Дугин стал знаменит после выхода монографии «Основы геополитики», выдержавшей несколько переизданий. Именно там Александр Гелиевич впервые обратил к Савицкому и Гумилеву. Дугин понял раньше многих, что в современном мире важна не идеология, а бренд, не лицо, а маска. Философ может легко провести собственные идеи под маской чужой идеологии, практически не рискуя, что его разоблачат.

На самом деле ни евразийцы двадцатых, ни Лев Гумилев в систему интегрального традиционализма не встраивались: «Наследие Льва Гумилева принимается, – писал Дугин, – но при этом теория пассионарности сопрягается с учением

о «циркуляции элит» итальянского социолога Вильфреда Парето, а религиозно-ученческие взгляды Гумилева корректируются на основании школы европейских традиционалистов (Генон, Эвола и т. д.)».

Это все равно, как если бы патриарх Кирилл заявил: «Православное христианство корректируется на основании культа Одина и Фрейи». К циркуляции элит по Вильфредо Парето теория Гумилева тоже никакого отношения не имеет. Дугин понял теорию этногенеза по-своему. Пассионарный толчок он назвал всплеском «биологической и духовной энергии», хотя существование особой «духовной» энергии Гумилев никогда не признавал.

Но Дугина это и не интересовало, ведь он не евразиец и не гумилевец, а «интегральный традиционалист». Уже четверть века Дугин пропагандирует учение, которое совершенно отвергает современную цивилизацию со всеми ее атрибутами. Цель традиционалистов, формулирует Дугин, «полный и бескомпромиссный возврат к ценностям традиционной священной цивилизации, чьим абсолютным отрицанием является современная, материалистическая и секулярная цивилизация».

Разумеется, традиционализм отрицает и современную науку. Критике научного мировоззрения целиком посвящена одна из книг Дугина – «Эволюция парадигмальных оснований науки». Дугин – принципиальный противник научного познания, может быть, поэтому его книги пестрят забавными фактическими ошибками. Пока он рассуждает о символах, знаках и тайных смыслах, все идет хорошо, но стоит Дугину обратиться к истории или физической (а не «сакральной») географии, как профессор превращается в двоечника.

Дугин забыл имя убийцы Бориса и Глеба, назвав Святополка Окаянного Ярополком. Разрушителя Иерусалима Тита Флавия Веспасиана Дугин перепутал с известным римским историком Титом Ливием, Кемалистскую революцию – с Младотурецкой. Дугин всерьез полагает, что кальвинизм – это государственная религия Англии. В «Основах геополитики» философ сделал выдающееся географическое «открытие», поведав читателю, что от Байкала до Тихого океана тянется «сплошная зона северных лесов, постепенно и незаметно переходящих в леса тропические».

Нет, Дугин вовсе не невежда. Судя по его трудам, Александр Гелиевич – человек в высшей степени эрудированный. Просто историческая и географическая реальность, равно как и другие феномены материального мира, не имеют для него значения. Для Дугина важнее «священная, сакральная подоплека»: «...сакральное мировоззрение понимает всё как символ, как нечто неравное са-

мому себе, как нечто указующее на иные, духовные, метафизические сферы, на трансцендентные модальности Бытия».

(История опровергает фантазии философов, поэтому философы ее и не учат. Дугин пользуется совершенно другими источниками познания: собственной интеллектуальной интуицией, трудами европейских эзотериков, мистиков, философов и, наконец, откровениями каких-то темных личностей. В «Консервативной революции» Дугин рассказывает о встрече с «таинственным человеком», «крупным деятелем масонских и оккультистских организаций». Этот господин, представившись «братом Маркионом», поведал автору одну великую конспирологическую тайну. Трудно представить Савицкого или Вернадского на месте Дугина, внимающих откровениям первого встречного. – прим. автора.)

Анатолий Иванович Лукьянов из дугинской «Конспирологии» узнал о себе потрясающие сведения. Оказывается, товарищ Лукьянов, сам того не ведая, с 1987 года был «протектором Ордена «Полярных», Евразийского Ордена, надеждой Вечного Имперского Рима», а генерал-полковник Штеменко еще раньше служил агентом этого ордена и выполнял некую «полярную миссию». Все это невозможно ни опровергнуть, ни доказать, потому что конспирология – своего рода религия. Конспирология и тотальный традиционализм находятся за пределами научного познания.

Евразийцы были образованными и культурными европейцами. Они высоко ставили научное знание, не принимали восточной мистики и верили в прогресс. Даже экстравагантную идею о благотворном влиянии нашествия гуннов евразиец Савицкий оправдывал именно интересами прогресса: «...переход от рабовладения к крепостничеству – подготовлялся уже и раньше. Но походы Аттилы безусловно ускорили этот переход. Поэтому их (походов гуннов. – С.Б.) характер хоть и разрушительный (в плане ведения военных действий), но прогрессивный (выделено Савицким. – С.Б.)».

Лев Гумилев был еще большим материалистом и позитивистом, чем Савицкий и Вернадский-младший. Всем, кто по недоразумению принимает Гумилева за мистика, я рекомендую его давнюю статью «Страна Шамбала в легенде и в истории». Гумилев взялся искать историческую основу тибетской легенды о Шамбале и даже нашел ей место на исторической карте.

В шестидесятые годы XX века тибетские эмигранты начали публиковать в Индии и Англии древние рукописи, среди которых попадались географические карты, в том числе карта Шамбалы.

Гумилев изучал древнетибетские карты вместе с профессиональным востоковедом Брониславом Кузнецовым, в 1969 году они опубликовали статью «Две традиции древнетибетской картографии», где Кузнецов отвечал за филологическую часть, а Гумилев за историю и историческую географию.

На карте Шамбалы Гумилеву удалось расшифровать часть географических названий: «сак» (саки, ираноязычные племена, родственные скифам), «Пун» (Финикия), «Страна, где собраны жрецы» (Вавилон), Барпасаргад (Пасаргады, одна из столиц Персии эпохи Ахеменидов). Так Гумилев вычислил не только географическое положение Шамбалы, но и время создания легенды – III-II века до нашей эры, время существования государства Селевкидов. Его центром была Сирия, по-персидски «Шам». Пригодился Гумилеву персидский язык: «...а слово «боло» означает «верх», «поверхность». Следовательно, Шамбала переводится как «господство Сирии», что и соответствовало действительности».

Селевкиды – потомки Селевка Никатора, одного из полководцев Александра Македонского, – создали на Ближнем Востоке огромное, богатое государство, где процветали ремесла и торговля. Самым славным городом этой монархии была Антиохия на Оронте, она «в течение многих веков представлялась прообразом веселой, разгульной и беззаботной жизни, а один из кварталов ее – Дафнэ – был местом, где танцовщицы впервые открыли «стриптиз». Поэтому неудивительно, – заключает Гумилев, – что тибетские горцы, встречавшиеся с сирийскими купцами в Хотане, Кашгарии и Балхе, наслушались рассказов о веселой жизни, и это дало достаточный повод для создания утопии, которая пережила и Селевкидскую монархию, и порожденные ею веселые беспутства».

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Присоединить Европу – это по-русски!

Александр Дугин призвал захватить Европу и присоединить к России (Видео), 2013 г.

Один из главных прокремлевских идеологов Дугин выступил с открытым призывом захватить Европу и присоединить к России, решив тем самым проблему русской национальной идеи, технологического прорыва (присвоив европейские технологии) и возрождения России под флагом новой римской империи.

<http://nohchipress.info/2013/04/7628>

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).